

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АРХИВ
СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ**

Санкт-Петербург
2018

УДК 21.161.1-4
ББК 84.3(2Рос=Рус)1
Л64

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований, не подлежит продаже
Издательский проект № 18-112-00025*

Ответственный редактор и составитель

Н. А. Прозорова

Редакционная коллегия:

Т. М. Вахитова, д-р филол. наук, *А. М. Грачева*, д-р филол. наук,
Н. А. Прозорова, канд. филол. наук, *Т. С. Царькова*, д-р филол. наук

Рецензенты:

В. Н. Быстров, д-р филол. наук, *Г. В. Петрова*, д-р филол. наук

Л64 Литературный архив советской эпохи : сб. ст. и публ. / [отв. ред.-сост. Н. А. Прозорова]. — СПб. : ООО «Издательство "Росток"», 2018. — 656 с., 16 с. [вкл.]

ISBN 978-5-94668-246-6

Сборник «Литературный архив советской эпохи» составлен на базе новых архивных материалов из отечественных и зарубежных архивов, а также из частных собраний.

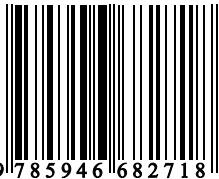
В статьях, написанных с привлечением архивных источников, рассмотрены отношения А. М. Ремизова с советскими писателями, проблемы эдиции мемуаров Н. П. Анциферова, мотивно-образная система дневникового творчества Б. Шергина. В сборник вошли обзор критики романа М. А. Шолохова «Поднятая целина» в 1930-е гг. и исследование повести А. Яшина «Баба Яга» в контексте мифопоэтических моделей.

В издании впервые публикуются неизвестные художественные и документально-мемуарные тексты: материалы к истории изд-ва «Всемирная литература» (произведения В. А. Зоргенфрея, М. Н. Рыжкиной, А. И. Оношквич-Яцыны); письма С. Н. Сергеева-Ценского и Н. Н. Никитина к А. М. Ремизову (1920-е); стихотворения В. В. Смиренского и его переписка с Л. И. Аверьяновой (1925–1929, 1935); письма М. М. Зощенко к И. Г. Лежневу (1936–1938); отрывки из дневников Е. А. Вечтомовой (1939–1940), К. Д. Муратовой (1927–1928); Т. Г. Гнедич (1963); переписка В. А. Рождественского и Н. А. Бринкман (1965–1970); письмо А. А. Туринцева к О. Ф. Берггольц (1968); автобиографии гуманитариев из архива П. К. Симони (1928–1929).

Издание иллюстрировано и адресовано филологам, специалистам гуманитарного профиля, аспирантам и студентам, а также всем, кто интересуется историей русской литературы советского периода.

ISBN 978-5-94668-246-6

ISBN 978-5-94668-271-8 (т. 1)

9 785946 682718

© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, Литературный архив советской эпохи, 2018
© Коллектив авторов, 2018
© ООО «Издательство "Росток"», 2018

**ПИСЬМА С. Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО
И Н. Н. НИКИТИНА В ЭМИГРАНТСКОМ АРХИВЕ
А. М. РЕМИЗОВА: 1920-е гг.**

*Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии Е. Р. Обатниной*

Аннотация: Публикация писем С. Н. Сергеева-Ценского и Н. Н. Никитина к А. М. Ремизову, эмигрировавшему в 1921 г., представляет собой эпистолярный рассказ о судьбах писателей и литературной жизни советской России 1920-х гг.

Ключевые слова: эмиграция, литературная жизнь в советской России, рефлексия постреволюционной действительности, советская идеология, международная политика, литературные учителя и ученики.

Abstract: The publication of S. Sergejev-Tsensky and N. Nikitin letters to A. Remizov, who had emigrated in 1921, is the epistolary story about the literary life broadly and life events of writers in the soviet Russia of the 1920s. Valuable archival documents that are stored in Amherst College Center for Russian Culture (USA) illustrate Remizov's relationship with Soviet writers, Remizov's correspondents.

Key words: emigration, literary life in the Soviet Russia, understanding of the post-revolutionary reality, soviet ideology, international politics, masters and followers in literature.

Н иже публикуется избранная корреспонденция из личной коллекции А. М. Ремизова (1877–1957), объединенная писателем в самодельной тетради под названием «Русские письма»¹. Представители разных поколений – Сергей Николаевич Сергеев-Ценский (наст. фам. Сергеев; 1875–1958) и Николай Николаевич Никитин (1895–1963) в своих письмах запечатлели противоположные взгляды на постреволюционную литературную ситуацию в России и проблему выбора творческого пути в новых условиях жизни при советской власти.

Ровесник Ремизова Сергеев-Ценский еще в 1910-е гг. достиг литературного признания, которое было закреплено выпуском семитомного собрания сочинений в петербургском издательстве «Шиповник» (1910–1916). В статье 1907 г. З. Гиппиус на правах признанного литературного мэтра писала о подающем надежды прозаике, как уже достигшем мастерства в раскрытии «ужаса» окружающей действительности, но еще не обнаружившем «необходимого “смысла” жизни». Эту, не вполне состоявшуюся, авторскую позицию, она сравнила с балансированием «на острие ножа» и не избежала пророчеств: «...в какую сторону

¹ Amherst. Series 1. B. 1. F. 9; «Русские письма». Подробнее об авторской систематизации корреспонденции см. в нашей статье «“Россия в письменах”: советская корреспонденция в эмигрантском архиве А. М. Ремизова» (с. 11–47 наст. изд.).

он соскользнет — неизвестно. <...> Нельзя стоять долее мгновения на колющем острие. Мы не знаем, добрался ли уже Ценский до этого окончательного острия. Но когда доберется (и если доберется) — то нельзя ему будет не полететь, и непременно он полетит, — или вниз... или вверх»². В том же ключе трактовал мировоззрение Сергеева-Ценского в конце 1900-х гг. молодой критик К. Чуковский. В статье под хлестким названием «Апостолы трусости» (1909) Сергеев-Ценский был поставлен в один ряд с более известными в литературном мире Л. Андреевым и А. Ремизовым — писателями, противопоставившими известной формуле Горького («Человек — это звучит гордо») альтернативное отношение к человеческой природе и предназначению, которое в свете романтизации революционаризма оценивалась не иначе, как проповедь бездействия. Чуковский даже сформулировал литературное кредо каждого: «Не строй», «не делай», «не вмешивайся», «стреляй, если хочешь в небо», «смирись», «затаись», ибо: — Человек — это разве не страшно? — говорит нам Сергеев-Ценский. — Человек — это разве не гнусно? — подхватывает Ремизов. — Человек — это разве не смешно? — прибавляет Леонид Андреев»³. Так имена Ремизова и Сергеева-Ценского в восприятии современника небезосновательно сблизилась по общности мироощущений. Действительно, оба писателя в 1910-х гг. жили предчувствиями надвигающейся неотвратимой катастрофы в России, которые отразились в романах Ремизова «Пятая язва», «Плачущая канава» и «Обреченные на гибель» Сергеева-Ценского.

Обращение Сергеева-Ценского к Ремизову летом 1922 г. с берегов погибающего от голода Крыма было проникнуто все тем же ужасом перед реальностью, изменившейся в условиях послереволюционного времени — в тяжелейший период жизни, поставивший писателя перед выбором между жизнью за границей (как физической, так и творческой) и выживанием в России. Его два письма, сохраненные Ремизовым в альбоме «Русские письма», в значительной степени корректируют сформированную в 1960-х гг. «агиографию» писателя — кавалера ордена Ленина (1955). Биографы Сергеева-Ценского, как собственно и он сам, старались нейтрализовать не только известный по его переписке с А. М. Горьким факт, свидетельствующий о возможности эмигрировать в Германию⁴, но также интерпретировали его намерение выехать из России «исключительно материальными факторами, а не политическими мотивами»⁵, оберегая идеологи-

² Антон Крайний [Гиппиус З. Н.]. I. О «Шиповнике»... II. На острие [Рец.] // Весы. 1907. Май. № 5. С. 61.

³ Чуковский К. Апостолы трусости // Речь. 1909. 31 мая (13 июня). № 146. С. 2.

⁴ Письма Горького см.: Сергеев-Ценский С. Н. Моя переписка и знакомство с А. М. Горьким // Сергеев-Ценский С. Н. Собр. соч.: в 12 т. М., 1967. Т. 4. С. 214–215. Очевидно, что Сергеев-Ценский опубликовал лишь одно письмо Горького из переписки 1921–1923 гг., оградив фигурой умолчания датировку (лето 1923 г.) и, по-видимому, посредством купюр, сместив содержание от темы настоятельных предложений Горького приехать хотя бы на время в Германию, к теме продвижения русской прозы на западном книжном рынке.

⁵ Плукки П. И. С. Н. Сергеев-Ценский: (жизнь и творчество). М., 1968. С. 120.

ческую благонадежность писателя его собственной однозначной констатацией: «никаких разногласий с Советской властью у писателя не было»⁶. Тем более, скрывалось откровенно негативное отношение Сергеева-Ценского к власти большевиков, разрушавшей русскую культуру в первые годы строительства советского государства⁷, которое откровенно проявилось в его письмах к Ремизову. Каково же в действительности было направление, по выражению Гиппиус, «полета» Сергеева-Ценского, ставшего, в конечном счете, классиком советской литературы, можно оценить только в конкретной системе координат, которая кардинальным образом поменялась для писателя с принятием решения остаться в советской России⁸. Если в письмах к Ремизову, относящихся к лету 1922 г., Сергеев-Ценский видит единственным спасением для себя и своей семьи эмиграцию, то год спустя, когда, как в России, так и за рубежом, исключительно благодаря поддержке эмигрантского литературного сообщества творчество Сергеева-Ценского вновь оказалось (хотя и весьма неустойчиво) востребовано издательствами и периодической печатью, жизнь для него обретает свои новые горизонты, впрочем, не выходявшие за пределы советского пространства⁹. Несомненно, что планы, связанные с выездом из России, были практически пресечены вышедшим 10 мая 1922 г. Постановлением Совнаркома «О выезде за границу граждан РСФСР и иностранцев», согласно которому покинуть страну допускалось лишь по «особому разрешению» Наркомата иностранных дел и удостоверению ГПУ¹⁰.

⁶ Там же.

⁷ См.: *Козлов В., Путнин Ф.* Творческий путь Сергеева-Ценского // Сергеев-Ценский С. Н. Собр. соч.: в 12 т. М., 1967. Т. I. С. 13–14; *Плукш П. И.* С. Н. Сергеев-Ценский. С. 120–121.

⁸ См. высокую оценку творчества Сергеева-Ценского начала 1920-х гг. эмигрантской критикой, отметившей глубину личного духовного опыта, вложенного в роман, описывающий годы войны и революции в Крыму: *Стенун Ф. С.* Сергеев-Ценский. Преображение. Роман. Крымиздат. Симферополь. 1923. [Рец.] // *Современные записки.* 1924. Кн. XVIII. С. 429–434. Ср. также рассмотрение феномена творчества Сергеева-Ценского 1920 – начала 1930-х гг., воспринятого как выражение позиции «внутреннего эмигранта», который «пока <...> не свихнулся, пока он не рехнулся, пока не сбился с панталыку, пока не начал жевать полубеззубым ртом подсунутый ему пряник, — бесстрашно писал правду о советской жизни...» (*Любимов Н.* Неувядаемый цвет: книга воспоминаний: в 3 т. М., 2004. Т. 2. С. 267; 264–307, глава «Самоубийца»).

⁹ Ср. письмо Сергеева-Ценского из архива Горького от 25 мая 1923 г., зафиксировавшее сложный жизненный выбор: «Я давно уже отвык от себя как писателя, и вот уже 8 лет как живу физическим трудом, занимаясь маленьким хозяйством <...> иногда я забываю, в какой именно стране я живу. Жить в Берлине будет для меня значить снова стать писателем — раз, эмигрантом — два, русским — три... Поневоле задумаешься над такой метаморфозой! Понятна поэтому моя нерешительность в вопросе о переезде за границу. Нельзя ли печататься за границей и не выезжать в Берлин? <...>» (цит. по: *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: в 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 666).

¹⁰ Опубл.: *Известия ВЦИК.* 1922. 18 мая. № 108. С. 4.

Местонахождение ответных писем Ремизова к Сергееву-Ценскому неизвестно. Возможно, они погибли вместе с личным архивом в алуштинском доме во время немецкой оккупации, либо уничтожены писателем при переезде в Москву. Во всяком случае, документы сохранившегося фонда об этой переписке умалчивают¹¹.

В отличие от Сергеева-Ценского Николай Никитин, один из литературных воспитанников Ремизова, участник объединения «Серрапионовы братья», в своих письмах достаточно показательно транслировал совершенно иной модус взаимоотношений с новой реальностью, свойственный молодому поколению писателей, вступивших на литературную стезю в годы революционных потрясений. Его письма 1922—1923 гг., отправленные в эмигрантский Берлин, несмотря на искренние симпатии и уважение к адресату, представляют собой манифестацию нового мировоззрения со всеми признаками агрессивного самоутверждения, опиравшегося на воспаленный патриотизм и внушенный идеологический пафос участника нового социального переустройства, который был обращен писателю-эмигранту, в частности, а вообще — Европе, как ему представлялось, закоснелой в традициях. Переписка Никитина и Ремизова с перерывами длилась шесть лет, периодически возобновляясь с каждой командировкой Никитина в Европу. В личном фонде Никитина в РГАЛИ сохранились лишь три письма Ремизова, относящиеся ко времени поездки Никитина в Лондон (май—июль 1923 г.)¹². Судьба остальных писем Ремизова неизвестна, но мотивы их исчезновения очевидны. Как и Сергеев-Ценский, Никитин постарался спрятать (а скорее всего, уничтожить) основную часть ремизовского эпистолярия, оставив в тени своей личной биографии не только многолетний дружеский контакт с писателем-«белоэмигрантом», но и личные устремления к «освоению» западноевропейского пространства, во многом зависящие от идеологического климата в России. Недаром в одном из писем Ремизову в 1923 г. в контексте первых нападков пролеткультовцев на писателей-попутчиков он взволнованно интересовался: «Еще бы хотелось мне знать, дорогой Алексей Михайлович, какого мнения Вы о моем сочинительстве — и как вообще относятся ко мне за границей» (Наст. изд. С. 223).

Проблема сохранения писательского реноме для Ремизова имела не меньшее значение, чем для его корреспондента и требовала от него, как и в России, независимости и до известной степени силы духа, чтобы отстаивать свое личное право на сотрудничество, например, в евразийском журнале «Версты»¹³. По-прежнему, как и в первые годы эмиграции, его контакты с советскими писателями подвергались язвительной и даже агрессивной критике со стороны радикаль-

¹¹ Архив С. Н. Сергеева-Ценского (РГАЛИ. Ф. 1161).

¹² РГАЛИ. Ф. 2575. Оп. 1. № 342. Опул.: *Фрезинский Б.* Судьбы Серрапионов: (портреты и сюжеты). СПб., 2003. С. 217—219.

¹³ Подробнее см. вступ. статью Р. Хьюза к публикации писем Д. П. Святополк-Мирского к Ремизову 1922—1929 гг.: «...С Вами беда — не перевести» // Диаспора. Париж; СПб., 2003. [Вып.] V. С. 339—346.

но настроенной к Советам эмиграции¹⁴. Между тем, отношение к литературной России оставалось сферой его личного волеизъявления. Именно эту свободу выбора писатель предпочел идеологическому надзору большевистской власти, когда в 1923 г. вместо возвращения в Петроград, остался в эмиграции¹⁵. Как хроникер истории литературного содружества «Серрапионовы братья» в целом и литературной эволюции его отдельных представителей¹⁶, Ремизов бережно сохранил в конволюте «Русские письма» каждое письмо своего, как ему хотелось думать, ученика Никитина, сопроводив эту подборку газетными вырезками, в которых запечатлелась реакция парижской эмиграции и французской прессы на визит посланца из России (см. *Приложение* к наст. публ.).

Характерно, что появление Никитина в Париже в 1928 г. сразу обнаружило не затихающий в эмиграции спор об отношении к советской литературе. В интервью газете «*Les Nouvelles littéraires*» (см. *Приложение* к наст. публ.) Никитин, со свойственным ему умением мимикрировать в соответствии с конъюнктурой, продемонстрировал «независимость» от признанных литературных авторитетов, подвергнув критике собратьев по перу, как ближних, так и более отдаленных, — например, Эренбурга, оказавшего ему поддержку и необходимые протекции в литературном мире Парижа¹⁷. В этом контексте неприкосновенным осталось имя Ремизова, который не утратил для московского гостя литературного и личностного авторитета¹⁸.

В условиях советской реальности Никитин укреплял свою репутацию утверждениями от обратного — отречением от учителей, среди которых, вместе с Ремизовым, он признавал в 1921—1923 гг. Е. Замятина. После смерти обоих (впрочем, едва ли кончина освободила литератора от моральных обязательств), описывая пройденный литературный путь в 1958 г. в предисловии к двухтомнику своего «Избранного», Никитин отозвался о старших литературных товарищах как о типических представителях ушедшей в прошлое литературы — «Замятины и Ремизовы», «из учеников которых впоследствии ничего не получилось»¹⁹. Так Никитин перечеркнул без малого лет десять своей литературной биографии.

¹⁴ См. об этом: Там же.

¹⁵ Подробнее см. в нашей статье «“Россия в письменах”: советская корреспонденция в эмигрантском архиве А. М. Ремизова» (наст. изд.).

¹⁶ Подробнее см.: *Обатнина Е. Р.* А. М. Ремизов и Серрапионовы братья (к истории взаимоотношений) // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 231—232.

¹⁷ См.: 2. Письма Н. Н. Никитина А. М. Ремизову: 1922—1928 гг. (с. 203—232 наст. изд.).

¹⁸ Ср. также автобиографию Никитина 1925 г.: «О друзьях. <...> Из заграничных — Ремизов — мой тихий и неизменный друг, точно дедушка, хотя вот уже два года я с ним не переписываюсь. Но он петербургский писатель — из форточки слушает всю Россию» (цит. по: «Серрапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома: материалы. Исслед. Публ. / авт.-сост. Т. А. Кукушкина, Е. Р. Обатнина. СПб., 1998. С. 70).

¹⁹ См. *Никитин Н.* От автора // Никитин Н. Избранное: в 2 т. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 11—12. Статья датирована сентябрем 1958 г.

* * *

Тексты писем С. Н. Сергеева-Ценского и Н. Н. Никитина воспроизводятся по оригиналам, сохранившимся в конверте архива Ремизова «Русские письма» в соответствии с правилами современной пунктуации и орфографии. В самодельной тетради, предназначенной для хранения писем, Ремизов подклеивал листы к корешку таким образом, что часть левого края нередко оказывалась под слоем дублирующей тонкой бумаги. Этим объясняются единичные случаи непрочитанных слов, которые обозначены публикатором конъектурой в угловых скобках — <нрзб.>. Подчеркивания в текстах писем соответствуют авторским. Корпус писем Никитина дополнен сохраненными Ремизовым газетными вырезками из эмигрантской печати (см. *Приложение* к наст. публ.).

Публикатор выражает сердечную благодарность профессору Стенли Рабиновичу — директору Центра русской культуры в Амхерст-колледже (США) за предоставленную возможность работать с материалами архива А. М. Ремизова.

1. Два письма С. Н. Сергеева-Ценского А. М. Ремизову: 1922 г.

1

Крым, г. Алушта
24 / VII <1922>¹

Дорогой Алексей Михайлович! Очень рад был от Шишкова² получить Ваш адрес и пользуюсь этим случаем, — чтобы написать Вам. Шишков передает, будто Вы тоскуете по родине. Вы ее любили, бесспорно, но, кажется, что культурные русские люди родину свою должны видеть в русской культуре, а ее нет, как Вам известно, и об этом, конечно, тосковать можно.

Вы, наверно, лучше меня осведомлены о том, что делается в России, так как я вот уже несколько месяцев не читал газет: в Алушту (город!) они не приходят, и достать их нигде нельзя. Знаю, что вокруг меня мрут от холеры, от которой могу умереть и я, и что голодающих, которых здесь тысячи, кормят американцы³. Зимой сильно мерзли от голода, — и вообще мы в орбите смерти⁴.

Большая просьба у меня к Вам, Алексей Михайлович. Говорят, что для получения здесь пропуска за границу нужна предварительная виза⁵: то или иное западное правительство, зная-де, что данные лица не большевики — агитаторы, ничего не имеет против его приезда.

Звучит это как-то очень глупо, но по нынешним временам вполне возможно. Вам известно, что я политикой не занимался, был беспартийным. Я не служил ни в одном советском учреждении и у себя на даче жил безвыездно, занимаясь хозяйством.

Но, в конце концов, жить без печати писателю немислимо, и я предпринимаю шаги к выезду из России навсегда. Так нам выехать хотелось бы до зимы, а получение заграничного паспорта от советской власти <длин-?>нейшая

волокита, как Вам самому известно⁶, что вот я просил бы Вас посодействовать мне получить эту самую визу хотя бы через Горького, которого Вы выдаете⁷, конечно, и которому я шлю привет.

Напишите, как Вы устроились в Берлине и как живут другие наши собратья по перу. Можно ли существовать беллетристкой? <1 сл. нрзб.> если и нельзя, то я возьмусь за любой физический труд, т<ак> к<ак> я живу только им.

Всего Вам доброго!

Пожалуйста, напишите. Крым, Алушта.

Ваш С. Сергеев-Ценский

¹ Здесь же помета о получении красным карандашом рукой Ремизова: 22 VIII.

² *Шишков Вячеслав Яковлевич* (1873—1945) входил в круг литераторов, с которыми Ремизов тесно общался в 1918—1921 гг., сотрудничая в Петроградском отделении Театрального отдела Наркомпроса и Театральной коллегии Петербургского Театрального отдела (ПТО). Особенно писатели сблизились, когда в 1920 г. оказались соседями по первому советскому «общежитию», получившему официальное название «Отель Петросовета № 1» на Троицкой, 4. Шишков, испытывавший глубочайший пиетет перед ремизовским литературным дарованием и искреннюю дружескую привязанность к нему, стал добровольным поверенным Ремизова в разрешении финансовых и имущественных проблем, возникших после отъезда писателя из России. Письма Шихкова, сохранившиеся в альбоме «Русские письма», служили Ремизову одним из достоверных источников для хроники литературной жизни в советской России, которую он составлял, публикуя заметки в «Бюллетенях Дома искусств» и журнале «Новая русская книга». Подробнее см. в вступ. статье и комментариях к публ.: «В России, как встретимся, будем вспоминать». I. Переписка А. М. Ремизова с С. Я. Осиповым (1913—1923); II. Письмо В. Я. Шихкова к А. М. Ремизову (1921) / публ. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 218—265. Ср. также упоминание в книге «Ахру» о том, как Шишков плодотворно работал в 1921 г. и писал «...пьесу за пьесой со своим неперменным комедийным пастушонком, а также память сибирскую — шаманскую повесть» (*Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7: Ахру. М., 2002. С. 22*). Вяч. Шишков посвятил Ремизову рассказ «Соловьиная ночь», впервые опубл. в кн.: «Подножие башни» (Пг., 1920).

³ Речь идет о гуманитарной помощи частной американской филантропической организации (American Relief Administration) — АРА, возглавлявшейся в то время министром торговли Г. Гувером (будущим президентом США). Поводом для начала многолетней поставки продовольствия, медикаментов и одежды стал призыв М. Горького к странам Европы и к Америке «К всем честным людям!» оказать помощь голодающим в России, опубликованный 23 июля 1921 г. в «Нью-Йорк таймс» и в ряде европейских газет. Соглашение между советским правительством и АРА было подписано 20 августа 1921 г. в Риге.

⁴ Описание катастрофической обстановки вымирания местного населения в Крыму, сложившейся к началу 1922 г., см. также в переписке М. Волошина: *Волошин М. Собр. соч. М., 2013. Т. 12: Письма 1918—1924. С. 403—506*.

⁵ Ремизов привлек внимание эмигрантской общественности к проблеме Сергеева-Ценского через публикацию сообщения на страницах берлинского журнала «Веретеньш»: «С. Н. Сергеев-Ценский прислал А. М. Ремизову письмо, в котором про-

сит писателя помочь ему выхлопотать разрешение на визу в Германию» (1922. Ноябрь. № 3. С. 6).

⁶ Подробнее см. нашу статью: «“Россия в письменах”: советская корреспонденция в эмигрантском архиве А. М. Ремизова» (наст. изд.).

⁷ М. Горький при поддержке Ленина выехал за границу 6 октября 1921 г. В последующие три года он проходил лечение в санаториях Германии и Чехословакии. В один из приездов в Берлин, в мае 1922 г., когда русская интеллигенция собиралась для открытия берлинского Дома ученых, состоялась, возможно, первая в эмиграции, его личная встреча с Ремизовым. В 1922—1923 гг. между писателями поддерживались и эпистолярные контакты, связанные с привлечением Ремизова в основанный Горьким журнал «Беседа» (см. очерки («Три письма Горького») и воспоминания «Алексей Максимович Горький (1868—1936)» в кн: *Ремизов А. М. Собр. соч.* Т. 10: Петербургский буерак. М., 2003. С. 276—291). Горький, до которого дошли сведения о бедственном положении Сергеева-Ценского в Крыму, уже в 1922 г. наладил с ним переписку, очевидно, содействовал в получении визы на въезд в Германию и приглашал для участия в будущем издании. Письма Горького см.: *Сергеев-Ценский С. Н. Моя переписка и знакомство с А. М. Горьким // Сергеев-Ценский С. Н. Собр. соч.: в 12 т. М., 1967. Т. 4. С. 214—215*; а также письмо Горького Гребенщикову от 4 апреля 1922 г., в котором упоминается Сергеев-Ценский как один из писателей, приглашенных к сотрудничеству в «Беседе» (*Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1969. Т. 1. С. 27*). В последующие годы Горький пристально следил за творчеством Сергеева-Ценского и способствовал изданию его произведений за рубежом на иностранных языках. В 1926 г. в Нью-Йорке была издана первая часть эпопеи «Преображение» («Валя») в переводе М. И. Будберг с предисловием Горького.

2

за сентябрь <19>22 г.¹
Крым, Алушта

Дорогой Алексей Михайлович.

Очень рад был получить Ваше уставное письмо^{2!} Двумя днями раньше я получил визу от Гребенщикова из Висбадена³, — так что спешу сообщить Вам об этом, дабы Вы уж об этой злополучной бумажонке не беспокоились.

Елпатьевский тоже получил визу⁴.

Раскидало нашу литературную братию! Зайцев, говорят, в Италии⁵, Шмелев поехал в Германию, не знаю, куда именно⁶.

Дело с пропуском из России еще более сложное, как Вам известно, чем дело с визой. Надо почему-то непременно ехать в Москву, тогда как от меня день пути до Константинополя, и Крым — тоже республика^{7!}

Россия сейчас — растоптанный муравейник. Иные — раздавлены совсем, иные еще шевелят ножками, а иные пытаются что-то делать и только мечутся, как ошалелые. Главное — нет больше никаких идеологий, без чего немислима интеллигенция наша. Вот почему хочется за границу.

Но то, что Вы пишете о возможностях литературного труда за границей, конечно, печально⁸. Можно было бы, — и даже нужно было бы! — работать и в России, но для этого нужна хоть какая-нибудь свобода слова, а не полное отсут-

ствие ее. Эксперимент, проделанный русским обществом, жесток необычайно, но с точки зрения чисто художественной, он необыкновенно интересен. Пусть даже тут больше зоологии, чем антропологии, все-таки тут есть экспрессия великих катастроф, а катастрофа 20-го века совсем не то. То «последние дни» Помпеи, Карфагена и прочих. И для изображения этой катастрофы русской, может быть, уже настало время⁹, т<a>к к<ак> отшумел прибой и <в> прежние берега входит стихия, однако — писать нельзя. Да и не для кого, — признаться: читателя нет и, пожалуй, долго еще не будет.

Сейчас не до жиру, быть бы живу. Американизация жизни [при полном отсутствии машин (!!!) и при обеднении массы в 30 раз (по вычислению советских стати<сти>ков)]!

Кажется, нечто подобное происходит и за границей. Кое-какие новинки, до меня дошедшие (вроде «Лилиули» Р. Роллана и «Сто процентов» Э. Синклера)¹⁰, совершенно беспочвенны и потому слабы.

Почему Гржебин? Каким образом, сидя в Петербурге на Невском (так мне сообщили), может он издавать книги за границей. Мне случилось читать, что некоторые писателя, сидя в России, тем не менее, однако, издают свои книги за границей¹¹. Как это делается, не пойму. Неужели опять все Гржебин? Figaro ci, Figaro la?

Пока суд да дело, издать бы за границей из новонаписанного (у меня наберется тт. на семь). Напишу Гржебину¹².

Буду все-таки хлопотать о выезде и думаю, что к весне, пожалуй, получу пропуск из России, а к тому времени, может, виднее станет, как и что.

Сердечный привет Вам и Серафиме Павловне¹³, пишите.

Ваш С. Сергеев-Ценский

¹ Здесь же помета о получении красным карандашом рукой Ремизова: 19 X.

² По-видимому, Ремизов прислал рекомендации для связи с русскими деятелями в Берлине, которые могли бы оказать помощь в получении необходимых документов для отъезда из России. Возможно, был назван редактор берлинского журнала «Новая русская книга» А. С. Яценко. Ремизовское письмо, очевидно, пришло в Алушту в августе (с учетом помет Ремизова на письмах Сергеева-Ценского, указывающих на то, что почтовая связь с зарубежьем осуществлялась в течение месяца-полутора), а уже второго сентября, как мы предполагаем, по совету Ремизова, Сергеев-Ценский направил письмо Яценко, в котором просил помочь в получении визы (см.: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921—1923: по материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris, [1983]. С. 296—297).

³ Гребенищikov Георгий Дмитриевич (1883, по др. сведениям 1882—1964) в 1919—1920 г. оказался в Крыму (Ялта); в сентябре 1920 г. в потоке беженцев прибыл кораблем в Турцию, в 1921 г. переехал во Францию, наездами бывая в Германии, поскольку к этому времени успешный писатель купил на литературные гонорары участок земли в Ля Фавьер на юге Франции и дом на окраине Висбадена. О его материальной помощи писателям, оставшимся в России, см. в воспоминаниях: Гребенищikov Г. Как много в этом звуке... // Дальние берега: Портреты писателей эмиг-

- рации. Мемуары / сост., предисл. и коммент. В. Крейда. М., 1994. С. 37). Поддерживавший с Гребенчиковым переписку В. Я. Шишков писал Ремизову 29 декабря 1921 г.: «Если будет в чем нужда, обратитесь к Георгию Дм<итриевичу> Гребенчикову, он Вам поможет, если пожелаете, устроит на лето в имении, коим он управляет. В письме к нему (он ненадолго уезжал в Париж) я просил его всячески помогать Вам» («В России, как встретимся, будем вспоминать». С. 262).
- ⁴ *Елпатьевский Сергей Яковлевич* (1854—1933) в 1922 г. жил в Ялте и работал врачом в местном санатории.
- ⁵ *Зайцев Борис Константинович* (1881—1972) в 1922 г. после заболевания брюшным тифом получил при поддержке Л. Каменева разрешение на выезд за границу для лечения. 8 июня 1922 г. он с семьей прибыл в Германию, а затем переехал в Италию; с 1924 г. жил в Париже.
- ⁶ *Шмелев Иван Сергеевич* (1873—1950) в годы Гражданской войны жил в Алуште. После расстрела его сына — офицера Добровольческой армии — получил разрешение в ноябре 1922 г. выехать в Берлин; с 1923 г. жил в Париже.
- ⁷ Автономная Крымская ССР образована декретом ВЦИК и СНК 18 октября 1921 г.
- ⁸ До осени 1922 г. Ремизову удавалось довольно успешно издавать свои книги в берлинских русских книгоиздательствах. Проблемы, связанные с нарастающей инфляцией, начались уже в октябре. В письме к С. Я. Осипову писатель жаловался: «Жизнь наша стала тягчайшая. День и ночь сижу занимаюсь (на это не жалуясь). Только реализовать трудно. Издательства прекращаются» («В России, как встретимся, будем вспоминать». С. 246).
- ⁹ В 1922 г. Сергеевым-Ценским написаны повести «В грозу» и «Жестокость», давшие картину человеческого страдания в эпоху катастроф и трансформации человеческих отношений.
- ¹⁰ В 1922 г. московское отделение Государственного издательства выпустило из печати сатирическую драму «Лилюли» Р. Роллана в переводе В. Брюсова, а петроградское отделение — в переводе А. Н. Горлина. Роман Э. Синклера «Сто процентов (История одного патриота)» вышел в петроградском «Госиздате» в переводе Л. Гаусман под редакцией Д. М. Горфинкеля и К. И. Чуковского.
- ¹¹ Об образовании берлинского издательства *Гржебина Зиновия Исаевича* (1877—1929), сотрудничавшего с Госиздатом, Ремизов узнал, возможно, раньше многих русских берлинцев. В письме от 31 октября 1921 г., направленного из Гельсингфорса, сообщал Ремизовым: «Дорогие друзья <...> наконец и мы вырвались все за границу. Это стоило мне немало тяжких усилий. <...>. Завтра едем в Берлин, где начну печатать книги. Я получил довольно большие заказы от Госуд<арственного> Изд<ательст>ва Наркомпроса» (Amherst. Series. 1. Series. 1. В 2. F. 3). Подробнее о нем см.: *Хлебников Л. М.* Из истории Горьковских издательств: «Всемирная литература» и «Издательство З. И. Гржебина» // В. И. Ленин и А. В. Луначарский: переписка, доклады, документы. М., 1971. С. 668—703 (Лит. наследство: т. 80); *Гржебина Е. З.* Гржебин — издатель / републ. и коммент. Г. Ковалевой // *Опыты*. 1994. № 1. С. 177—206; *Янгиров Р.* Из истории русской зарубежной печати и книгоиздательства 1920-х (По новым материалам) // *Диаспора: новые материалы*. [Вып.] 6. Париж; СПб., 2004. С. 547—574.
- ¹² Начало знакомства издателя с Сергеевым-Ценским началось в 1907 г., когда в издательстве «Шиповник», основанном совместно С. Ю. Копельманом и Гржебиным, начался выпуск пятитомного Собрания сочинений Сергеева-Ценского (1907—1910), а в одноименном альманахе стали печататься отдельные произведения писа-

теля. Очевидно, что возобновление контакта в 1922 г. успешно состоялось и получило результат, вероятно, поддержанный и Горьким, который возглавлял редколлегия берлинского издательства Гржебина, — в 1923 г. в Берлине последний издал отдельной книгой повесть Сергеева-Ценского «Чудо» (впервые: Южный альманах. Крымиздат, 1922. Кн. 1).

¹³ *Ремизова-Довгелло Серафима Павловна* (урожд. Довгелло; 1875—1943) — жена А. М. Ремизова, специалист по древнерусской палеографии.

2. Письма Н. Н. Никитина А. М. Ремизову: 1922—1928 гг.

1

Март. 11го <1922. Петроград>
Добрый вечер.
Благостный

Дорогой мой, родной Алексей Михайлович, соскучился я по Вас страшно...

Ах! Вот свет казенный погасили, тушат у нас в 12 часов, и надобно свой свет зажигать, керосиновый... Ночное мое бдение наступило. Пишу дальше Вам. Соскучился, говорю, страшно и о пауке помню — прожоре, прожоренке, что на ниточке спускается в комнату, и думаю вот — опять бы забежать в бархатное Ваше логово¹. Человек я ходовой, спешливый, пустяковые разные дела выдумываю, п<отому> ч<то> когда горит округ — мне легче. А писать я собрался прямо по поводу — стерпеть далее не мог. Вообще я не пишу, не корреспондентский я человек, не любитель — да! Меня надо раскачивать. А был я сегодня вечером у Кости Федина, чай пил с монпансье и разговаривал. Перебрали мы разную материю, прошелестели всяческим. И книжки мне Ваши дал он. И адрес важный². Ну, думаю — свершилось! Надо нынче писать. Чтобы руку не отбило, сей же час, говорю себе, садись... ленивый уж больно я. Люблю молчать да слушать, да к барышням любопытен. Бывало, представлю — стоит, думаю, мой родимый, русской <так!> насквозь — на углу какой-либо там Unter der Linden, а по-простому, по-нашему — на Липовой — чужой, непохожий, кругом чинно шмыгает народ с чистым носовым платком... и такая меня пробирает тоска. Зачем, думаю, они с чистым, коли у нас грязного нет. Вот! Что у вас там делается, не понимаю ни Жар-Птицу, ни Сполохов³. По моему соображению все это, можно сказать, не наше, легкое. Или, может, я тугой <так!> человек, привык к лаврскому звону, да романовской колокольне, что гудет <так!> у Товарной Николаевской Станции, гляжу на Гончарную, а сам на Полтавской короткой улице⁴. Ну уж простите, я люблю свою помойку, хоть и повешена в комнате у меня портьера замечательная, по шелку пуше нежный розовый цвет.

Нескладно что-то я пишу. Будто о всяком, будто хлестаковский сын. Не забыть чтобы, а то одолела меня рассеянность, так вот — чтобы не забыть, при конце-то я может и забуду — вот что: поклонитесь от меня милой Серафиме

Палне <так!>⁵, и так и скажите, что руку, мол, он нежно Вам целует. А ручки целовать я мастер. И еще поклонитесь. Помню, весною по сухой и теплой Владимирской шли мы с нею и о природе толковали, и я еще говорил, будто во мне дикая тяга, хочу куда-то лететь, а ходу мне нет. Врал верно, я сидень и свою постель люблю, и холодного сеновала боюсь — так значит... Серапионы наши живут, грызи нет, а кто, может, и есть самолюбец — таковой обходится собственным угрызением. Не про себя я. А есть один такой выковыр⁶. За слова добрые и игручие благодарны, крепко⁷. Альманах 1-ый выпускаем⁸, «Кол» мне вынуть пришлось, заменил другим рассказом⁹, похуже будто, но надо было торопиться, растабарывать не приходилось. Пришлось. Дела такие, делать нечего... Еще написал я сочинения следующие: «Рвотный форт» заново¹⁰, повесть, да «Камни», да «Барку». «Затьмень» <так!> еще, «Дэзи» (в альманахе Серапионовском будет), «Подарок Фатимы» (штука пародическая, пожалуй, не вовсе ладная, ну да ладно), да еще «Американское счастье»... Приладил будто их к месту (кроме «Затьмения» <так!>, в работе оно еще¹¹), и не знаю, как пройдет. Планида у меня сомнительная, всегда жду неожиданных пакостей, потому что темперамент (ударение соблюсти надо) у меня холерический, так как я родился в страдном месяце, по июльской жатьбе¹². Повесть выпустить предполагают отдельно в издательстве «Эрато»¹³, там где Зоценко печатает «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова»¹⁴. «Камни» отдал в «Завтра» в Petropolis¹⁵, «Барку» в Шиповник¹⁶, «Фатьму» Воронскому¹⁷, а «Американское счастье»¹⁸ Эжен, крестник мой, в схиме Замутий¹⁹, у себя пестует²⁰.

А мы, Серапионы, собираемся ежесубботно, день шабашный, его не пропускаем²¹.

Бодел вот тут я месяц с лишком. Обжег место одно центральное обжег <так!>. Центральное, говорю, место. Вылил в постели на себя случайно бутылку одну с ядовитым заводским составом. Дали мне его для зажигалки. Пошли по пахам волдыри и нарыв. Ногой, пальцем не двинуть. Так — месяц с лишком²².

12 / III.

Свет мой керосиновый тоже загас вчера неожиданно. Заправлять лампу заново ночью неудобно. Пришлось опять отложить письмо. Ждут все Вашего рассказа, дорогой Алекс<ей> Михайлович, Аверьянов и Шишков²³. Взяли у меня «Анг<ела> Аввадона»²⁴. А 1го фев<аля> торжественным обедом величались Серапионы, в память своей годовщины, а для некоторых литературный юбилей даже²⁵. Да! Много было девиц приглашенных, а знати не было, знати мы стесняемся, только посетил английский епископ Замутий с женой²⁶. Получили приветствия и телеграммы.

Для сведения «Нов<ой> Русск<ой> Кн<иги>» сообщаю, что в хронике у них об издательстве «Эпоха» опечатка. В каталоге издательства стоит Всеv. Иванов, собр. сочин. т. I и т. II, а они, наверное, думали — что ошибка... какой, мол, там Всеv<олод> Ив<анов>? Не может быть... Вячеслав Иванов...²⁷ А на самом деле, именно Всеволод... серапионовец наш — год тому назад к нам приехал в Петербург и попал в Пролеткульт. Человек он сибирский, насыщенный, с монгольскими, реденькими усами. Лет ему — 31. В 18 году выпустил там книгу рас-

сказов, каких не читал. Но думаю, хорошие. И сам даже набирал. Прошел весь Колчаковский путь, был корреспондентом, кажется, красных газет. Но сам он непартийный, а так — будто на половинку. Протеже Алекс<ея> Максимовича²⁸. Прозвал его я — братом алеутом²⁹. Пишет он ярким сибирским языком, в диалогах даже фонетическим. Вот до чего! И очень любит в рассказах своих матерно ругаться. «Надо, говорит, мужики всегда ругаются».

Ах, Алексей Михайлович, не знаете ли Вы, кто такой Wolfgang Groëger <так!>, переводит «12» Ал. Блока — «Die zwölf» <так!>. Читал вчера его у Кости Ф<едина>. Что за замечательный, что за превосходный, что за удивительно-прекрасный и верный перевод. Издание это — Nawa — Ferlag <так!>³⁰ — Berlin³¹. Я никогда не думал, что на немецкий язык возможно перевести так, не только передавая рифмы, ритмы, дух вещи, но и ее стиль, ее язык. Вот-вот, самый настоящий немецкий Блок. Я, слабо наученный немецкому, вдруг понял — какое богатство там интонаций, не только словарь немецкий раскрылся для меня совсем по-новому, но и весь строй речи, синтаксис, конструкции. Это совершенно новый для меня язык. Мне кажется, что Herr Groëger великолепно знает, до тонкости, до чуточного изгиба нашу речь, что он необыкновенно сумел все это перевоплотить. В предисловии там сказано, что у него был еще сотрудник, отчасти ему помогавший, Я, не умеющий читать без словаря, представляете — по нескольким словам угадывал смысл звука, ну просто так же, как я угадывал бы речь обезьяны. Что за необычайнейшее явление воплощенный язык, не язык деловой бумаги, а язык художника — подчеркнутый язык. Словом, если знаете этого Groëger'a передавайте ему восхищенный привет мой, из России привет³².

Опять насчет Всево<олода> Иванова. Думаю, что сибирского материала у него — сундука два. Потому как приехал, да и стал — одни за одним выкладывать. Вот здорово!

19/III. Вчера день был Парижской Коммуны³³. Трамваи не шумели. И надо мне было пешедралом гонять от Лавры Невской на Тучкову набережную. Устал, душенька выпала. А потом Серапионы (бдение, суббота), а потом вечер в Доме Искусств до утра. Теперь в Питере забыли великий постный звон. Народ кабарит, гуляет, комариком крутится, душу заливают. Весело и гульно в Петровом городе.

Вот почему перерыв был в письме.

А Зощенко обиду на Вас имеет. Так и говорит, обиду, говорит, имею³⁴.

А я уж большой совсем. Усы растут и рецензию о Сологубе писал, о «Заклинательнице змей»³⁵. А потом мне еще дают. Вот, говорят, о Алекс<ея> Михайловиче. Вот до чего! Какие у нас нынче штуки. Буду Вас судить и рядить. Просим, говорят, напишите об Ал<ексее> Мих<айлови>че...

И книжечки Ваши (те, что Федину дали) у меня. Но притронусь я к ним благоговейно завтра, в понедельник 5-ой седмицы, — книжка эта огненная и ночная³⁶. И надо, чтобы угару не было в моей голове, и дух покоен, и сердце мирно, а глаз ясен. А иначе не хочу я рисковать, сочинение Ваше полно бездн, пылающих ям, как Апокалипсис, и можно ими зачитаться... Верно, такое оно: огненное и шумное <?>. Ну, конец бумаге, дорогой Алексей Михайлович. Не побрезгайте

поцелуем моим и ради Бога ответьте, чтобы знать, получили ли Вы... Пару словечек хоть.

Душевно Вам преданный Никитин Ник.

Адрес мой: Петроград. Полтавская ул., д. 10, кв. 26.

- ¹ Речь идет об особенностях интерьера ремизовского кабинета в так называемом «Отеле Петросовета № 1» на Троицкой (ныне — Рубинштейна), 4, куда Ремизов с женой переехал 30 июня 1920 г. с Васильевского острова. Паук — персонаж коллекции игрушек писателя. Ср. также описание комнаты писателя на Троицкой в Петрограде: *Милашевский В. А.* Вчера, позавчера...: воспоминания художника. М., 1989. С. 156; *Смиренский В.* Воспоминания об Алексее Ремизове / предисл., публ. и коммент. Е. Р. Обатниной // Лица: биогр. альм. М.; СПб., 1996. [Вып.] 7. С. 166. Сказочный элемент личного пространства был перенесен и в жилье, которое пришлось снимать в Берлине. Ср. описание берлинской квартиры Ремизовых на Kirchstrasse, 2: «В окно с воли вечером при электричестве моя комната — волшебное царство. Паук — паук прямо над моим столом пустил во все углы нить, и по нитям тянутся к нему жертвы — маленькие игрушечные звери...» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. СПб., 2015. Т. 11: Зга. С. 484).
- ² В начале 1920-х гг. «серапион» *Константин Александрович Федин (1892—1977)* сотрудничал в Ленинградском отделении Госиздата и журнале «Книга и революция». После отъезда Ремизова в Берлин поддерживал с писателем тесную переписку, до 1924 г. исполняя обязанности «ключаря» в образованном Ремизовым «тайном» ордене «Обезвезвелволпал». Подробнее см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 212—213. См. также воспоминания Федина «Горький среди нас», описывающие встречи с Ремизовым (*Федин К.* Собр. соч.: в 10 т. М., 1973. Т. 10. С. 105—113). Подробнее о взаимоотношениях Федина и Никитина см.: Письма Н. Н. Никитина К. А. Федину 1920—1930-х гг. / публ. И. Э. Кабановой // Из истории литературных объединений Петрограда—Ленинграда 1920—1930-х годов: Исслед. и материалы / отв. ред. В. П. Муромский. СПб., 2006. Кн. 2 С. 27—66.
- ³ Речь идет о редакционной политике берлинских ежемесячных литературно-художественных журналов: 1. «Жар-Птица» (ред.-изд. А. Э. Коган; ред. худож. отд. Г. К. Лукомский; ред. лит. отд. А. Черный. Берлин; Париж: Русское искусство, 1921—1926). См. рецензию, в которой на основании первых шести номеров, высказано мнение об этом издании как о не оправдывающем ожиданий, которое вместо того, чтобы представлять собой «серьезный, идейный орган» с программой «дальнейших путей русского искусства», на первом этапе своего существования, рисковал превратиться в «блестящую игрушку» (для иностранцев?)» (*Левитан И.* Жар-Птица, № 6. Изд. Когана «Русское Искусство». Берлин. 1922 // Новая русская книга. 1922. Март. № 3. С. 9—10). См. также «Жар-Птица»: аннотированная хронологическая роспись. СПб., 1999; 2. «Сполохи» (1921—1923; ред. А. М. Дроздов (№№ 1—14) и Е. А. Гутнов (№№ 15—21)). В десятом номере «Сполохов» за 1922 г. был опубликован рассказ Никитина «Красные бантики», вошедший в его повесть «Рвотный форт» (с. 3—6).
- ⁴ Описание района, прилегающего к Николаевскому (ныне Московскому) вокзалу в Петрограде.
- ⁵ *Ремизова-Довгелло Серафима Павловна.* См.: Письма С. Н. Сергеева-Ценского, п. 2, примеч. 14.

- ⁶ Намек на М. М. Зощенко с использованием ремизовского слова «выковыр», которое прозвучало в характеристике рассказа «Старуха Врангель». Ср.: «М. Зощенко — из самых “Мертвых душ” от Коробочки и “Скверного анекдота”: “Старуха Врангель” — петербургские и уездные рассказы его — подковыр Гоголя и выковыр Достоевского» (впервые: *Ремизов А. Крюк: Память петербургская // Новая русская книга. 1922. № 1. С. 6—10*; цит. по: *Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 7: Ахру. С. 20*).
- ⁷ Подразумевается очерк Ремизова «Крюк», в котором Ремизов рассказал о молодом поколении писателей, характеризуя поименно каждого из членов содружества «Серапионовы братья» (см.: Там же. С. 19—20).
- ⁸ Имеется в виду составленный еще в 1921 г. сборник, ставший первым коллективным изданием произведений нового литературного объединения — Серапионовы братья: Альманах первый. Пб.: Алконост, 1922. Книга вышла из печати в апреле 1922 г. В критических оценках творческая манера молодых писателей устойчиво ассоциировалась со стилем Ремизова. Ср. отклик, опубликованный анонимным рецензентом в газете «Жизнь искусства»: «В общем от “Серапионовых братьев” ожидалось больше, а пока что — Ремизов — только пожиже, Чехов — но поскучнее» (1922. 23 мая. № 20 (843). С. 6).
- ⁹ Повесть «Кол» (1920) стала первой и яркой литературной заявкой Никитина, обеспечившей ему дружбу «Серапионовых братьев» и одобрение критиков и учителей — в частности, Е. И. Замятина. Подробнее см. в коммент. к изд.: «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома: Материалы. Исслед. Публ. / авт.-сост. Т. А. Кукушкина, Е. Р. Обатнина. СПб., 1998. С. 191. Ремизов упомянул рассказ Никитина в своем очерке «Крюк: Память петербургская» (вых. данные см. в примеч. 6), отметив словесную фактуру стиля «От словных слов — Никитин: его “Кол”, “Подвал”, “Ангел Аввадон” — низ слов» (*Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7: Ахру. С. 20*). Впервые рассказ появился в печати на страницах берлинского альманаха «Пчелы» (1923). В первом же альманахе «Серапионовых братьев» Никитин вместо рассказа «Кол» поместил рассказ «Дэзи», который также был высоко оценен критиками. А. Воронский по поводу сборника в целом и конкретно о рассказе Никитина писал: «Большой дар у Никитина и многое ему дано. В “Дэзи” это чувствуется явно. Тема в сущности — старая. “Дэзи” — тигр. Жизнь зверя проходит среди людей в клетке, в новых голодных советских условиях. И конец рассказа обычный. А вместе с тем четкостью и свежестью своей врезывается в память» (*Воронский А. Серапионовы братья. Альманах первый. Алконост. Петербург. 1922 г. // Красная новь. 1922. № 3. С. 267*).
- ¹⁰ Серия рассказов, составивших повесть «Рвотный форт» («Форт», «Красные ботинки», «Репей-Лог», «Король», «Осада», «Конца нету»), появилась в летнем номере журнале «Красная новь» (1922. Июль—август. Кн. 4. С. 64—85). Отдельной книгой повесть вышла в Государственном издательстве (М.; Пг.: ГИЗ, 1922).
- ¹¹ Публикация рассказа не выявлена.
- ¹² День рождения Никитина — 27 июля 1895 г.
- ¹³ Издание не состоялось. Подробнее о кооперативном издательстве «Эрато», учрежденном в Петрограде осенью 1919 г. группой молодых энтузиастов — поэтами Ин. Оксеновым, Л. Берманом и испанистом, писавшим также для театра, К. Джержавиным, при участии брата Е. Г. Полонской — А. Мовшенсона, см.: *Полонская Е. Мое знакомство с Михаилом Зощенко // Воспоминания о Михаиле Зощенко / сост. и подгот. текста Ю. В. Томашевского. СПб., 1995. С. 158*.

- ¹⁴ *Зоценко М.* Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова. Пб.: Эрато, 1922. См. также о курьезе, связанном с типографской печатью сборника (Там же. С. 158—160).
- ¹⁵ Рассказ «Камни» был напечатан в литературно-критическом сборнике «Завтра», вышедшем в 1923 г. под редакцией Е. Замятина, М. Кузмина и М. Лозинского в издательстве «Петрополис». Основанное в 1918 г. в Петрограде издательство «Петрополис» в 1922 г. открыло свое отделение в Берлине (изд. А. С. Коган и Я. Н. Блох) и стало для писателей, занявших в советской России позицию «внутренней эмиграции» — «попутчиков», — спасительным «островом» свободного от идеологического надзора творчества. Однако первая публикация рассказа состоялась на страницах журнала «Москва» (1922. № 6. С. 9—11). Рассказ также вошел в одноименный авторский сборник, выпущенный дважды.
- ¹⁶ Рассказ появился в первом номере издания, инициированного и редактировавшегося Ф. А. Степуном: Шиповник: сборники литературы и искусства. М., 1922; вышел из печати в июле. Идея московского сборника состояла в объединении представителей дореволюционной литературы с молодыми писателями. Этот альянс был подчеркнуто негативно воспринят пролетарской критикой. «Зачем шипеть на революцию?» — спрашивал в своей рецензии на издание А. Аросев, воспринимая общий настрой авторов старшего поколения как затаенное отчуждение от истории новой России. Едко охарактеризовав рассказ Б. Зайцева, критик противопоставил литературному мэтру художественное видение и талант литературной молодежи: «И дальше за Зайцевым действительно открываются прекрасные и стильные страницы "Барки" Ник. Никитина. Это уже из новой литературы. Как он попал в "Шиповник". Почему? И не он один. Не менее талантливый Леонов поместил там свою "Бурьгу". Ник. Никитин и Леонов подпирают своими талантами тех Бердяевых, Муратовых и известного регенерата Станислава Вольского» (А. А. [Аросев А. Я.] // Красная новь. 1922. Ноябрь—декабрь. Кн. 6. С. 349).
- ¹⁷ Ср. письмо Никитина А. Воронскому от 1 марта 1922 г.: «Тов. Воронский, вместе с этим письмом посылаю вам рукопись "Подарок Фатьмы". Эта вещь пародирует семейный и авантюрный английский роман. Всё чрезвычайно сжато и напряжено, где вехи романа — главы. Стержнем романа нарочно выбран такой пустяковый и незначительный предмет, как туфли. Конец нарочно условен. Всего в ней 42 000 букв» (*Воронский А. К.* Из переписки с советскими писателями / вступ. ст. и публ. Е. А. Динерштейна // Литературное наследство. М., 1983. Т. 93: Из истории советской литературы 1920—1930-х годов. С. 557). Рассказ был опубликован в «Веселом альманахе» (М., 1922), выходявшем под руководством Воронского.
- ¹⁸ Рассказ «Американское счастье» вместе с рассказом «Подвал» составил содержание маленькой книжечки в серии «Библиотека издательства "Былое"» — *Никитин Ник.* Американское счастье: рассказы. Пг.: Былое, 1922.
- ¹⁹ Прозвище *Евгения Ивановича Замятина*, восходящее к его памфлету «Послание смиренного Замутия, епископа обезьянского» (Записки мечтателей. 1921. № 2—3 (раздел «Тулумбас»)). Сатира в форме «челобитной», написанная «по заказу» царя Асыки (Ремизова) и его сподвижника С. М. Алянского, явилась выражением принципиальной позиции группы литераторов по отношению к репрессивным мерам большевиков, узурпировавших свободу печатного слова. Подробнее см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные... С. 98—103. Очевидно, называя Замятина «крестником», Никитин ошибся в словоупотреблении: известный писатель в известной мере сыграл роль «крестного отца» — литературного наставника для Ники-

тина и других «серапионов», которые постигали азы литературного мастерства в его семинаре «Техника художественной прозы», образованном при Студии Дома Искусств в 1919—1920 гг. Замятин, действительно, более других своих воспитанников уделял внимание творческому развитию Никитина, однако в своих оценках от года к году становился все строже и критичнее. Подробнее см.: *Фрезинский Б.* Судьбы Серапионов: (портреты и сюжеты). С. 214—215. См. также: *Любимова М. Ю.* «Учил писать девяностоградусными чернилами...»: Евгений Замятин и Николай Никитин // Серапионовы братья: философско-эстетические и культурно-исторические аспекты. Саратов, 2011. С. 141—149.

- ²⁰ Ср. дословный пересказ письма Никитина в хронике «Труды и дни писателей в России», которую Ремизов анонимно вел в берлинской газете «Голос России» (1922. 9 апр. № 938. С. 7); воспроизведено в статье: *Обатнина Е. Р.* А. М. Ремизов и Серапионовы братья (к истории взаимоотношений) // 1) Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 231—232; 2) «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома. С. 180.
- ²¹ Ср. письмо «серапиона» В. Познера, адресованное Ремизову 12 ноября 1921 г., в котором он, в частности, информировал своего старшего корреспондента об установленном членами литературного «братства» обычае: «Вот, Алексей Михайлович, пишу Вам все, что знаю о Серапионовых братьях. Они были основаны в начале этого года. Первые основатели Лева Лунц, Коля Никитин, Миша Слонимский и я. Первое заседание состоялось 1 февраля, а потом каждую субботу» (цит. по: *Обатнина Е. Р.* А. М. Ремизов и Серапионовы братья (к истории взаимоотношений) // «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома. С. 176—177).
- ²² Подробности физического недомогания, описанные Никитиным, практически без изменений попали в хронику «Труды и дни писателей в России» (1922. 9 апр. № 938. С. 7). См. примеч. 20.
- ²³ Очевидно, речь идет о неосуществленном издательском проекте, планировавшемся издателем *Михаилом Васильевичем Аверьяновым* (1867—1941) при содействии В. Я. Шишкова (см. о нем примеч. к письмам Сергеева-Ценского). Вероятно, подразумевается публикация главы из романа Ремизова «Ров львиный», одна из редакций которого осталась на хранении в Петрограде (см. также историю публикации романа, впоследствии получившего название «Плачужная канава»: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2001. Т. 4: Плачужная канава. С. 526—528). Ср. письмо Шишкова Ремизову от 2 мая 1922 г.: «... на днях сообщу Вам о “Последнем слове” — из романа — передал эту главу Аверьянычу, а рукопись всего “Рва” хранится в Доме Литераторов, лично видел» (Amherst. Series. 1. В. 1. F. 5). Несомненно, что именно этот несостоявшийся проект получил отражение в хронике литературной жизни России, которая рождалась под пером Ремизова и зачастую носила мистификаторский характер, ввиду чего автор предпочитал оставаться в тени редакции берлинской газеты «Голос России». Такой «газетной уткой», основанной на несостоявшихся реальных планах, стало и следующее сообщение: «В Петербурге образовался книгоиздательский трест “Аверьяныч и Товарищи”. К 1 мая <так!> издательство выпускает 1-ый товарищеский сборник: Вяч. Шишков, Евг. Замятин, А. П. Чапыгин, К. А. Федин, А. С. Неверов, М. А. Дьяконов, А. А. Фролов, Георгий и Яков Гребенщиконы, А. А. (надо: А. Н. — Е. О.) Рябинин, А. А. Кусиков, Б. А. Пильняк и Н. А. Шапошников. А называется сборник “Кавыка”» (1922. 16 апр. № 943. С. 9).
- ²⁴ Публикация не состоялась. Рассказ упоминается в ремизовском очерке «Крюк: Память петербургская» (см. примеч. 9). Очевидно, Ремизов мог запомнить автор-

ское чтение этого одного из первых произведений Никитина на вечере «Сегодня», состоявшемся в петроградском Доме Искусств 23 мая 1921 г. См. о вечере запись в дневнике Чуковского от 24 мая 1921 г. (*Чуковский К.* Дневник, 1901—1929. М., 1991. С. 170), а также отчет о вечере (Дом искусств. Пб., 1921. № 2. С. 119).

²⁵ Установленная «серапионами» дата основания «братства».

²⁶ *Замятина Людмила Николаевна* (урожд. Усова; 1883—1965) — врач; жена Е. И. Замятина.

²⁷ Речь идет о заметке, освещающей деятельность нового петербургского издательства «Эпоха», в которой, в частности, сообщалось: «Печатаются Вяч. <так!> Иванов — первые два тома собрания сочинений...» (Новая русская книга. 1922. № 1. С. 35). Ошибка имени (вместо Всеволода — Вячеслав) была продиктована литературной «привычкой» к имени поэта-символиста Вячеслава Ивановича Иванова, который в 1921 г. переехал из Москвы в Баку. См. также статью Вл. Тукалевского «Литературные рисовальщики», которая посвящена Серапионовым братьям и в значительной степени художественному мастерству Вс. Иванова (Новая русская книга. 1922. Апрель. № 4. С. 1—2).

²⁸ А. М. Горький.

²⁹ *Иванов Всеволод Вячеславович* (1895—1963) был принят в содружество «Серапионовы братья» весной 1921 г. Подробное раскрытие всех представленных в письме характеристик писателя, а также републикацию его автобиографии (впервые: Литературные записки. 1922. Август. № 3) см. в кн.: *Фрезинский Б.* Судьбы Серапионов. С. 81—95. Ср. также анонимную заметку, посвященную «Серапионовым братьям», в рубрике «Труды и дни писателей в России», которую Ремизов вел в берлинской газете «Голос России», используя выдержки из писем своих петроградских корреспондентов, в том числе и Никитина: «<...> *Всеволод Иванов*, брат-алеут, выпускает в изд. Эпоха (у Е. Я. Белицкого) собр. соч. т. I и II» (1922. 9 апр. № 938. С. 7).

³⁰ Подразумевается слово Verlag (*нем.*) — издательство.

³¹ Речь идет об издании: *Block A.* Die Zwölf / Übertr. von W. E. Groëger; Ill. von V. N. Masjutin. Berlin: Nawa, 1921. См. также: *Нечепорук Е. И.* Поэма «Двенадцать» в переводах на немецкий язык // Литературное наследство. М., 1993. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 5. С. 309—329. См. также рецензию на немецкое издание поэмы Блока: *Федин Конст.* Немецкий перевод «Двенадцати» // Книга и революция. 1922. № 5. С. 49—51.

³² Контакты Ремизова с переводчиком русской поэзии на немецкий язык *Вольфгангом Э. Греггером* (Groëger W. E.; 1882—1950) за границей неизвестны. О судьбе этого уроженца Риги, который во время Первой Мировой войны оказался в Москве и только в 1920 г. получил разрешение через Л. Б. Каменева (при посредстве Вяч. Иванова) уехать в Германию, где его ждала семья, см.: *Фрезинский Б.* Писатели и советские вожди. М., 2008. С. 31—32. В июньском номере журнала «Новая русская книга», в разделе «Писатели», было опубликовано сообщение о новых переводах Грегера, выполненных по заказу русских издательств в Берлине (1922. Июнь. № 6. С. 31). См. также о нем: *Werner X.* Der Übersetzer W. E. Groëger // *Wiener Slawistischer Jahrbuch.* Wien, 1884. Bd. 30. S. 155—165.

³³ День Парижской Коммуны — международный праздник, отмечаемый 18 марта в ознаменование победы первой пролетарской революции 1871 г.

³⁴ *Зоценко Михаил Михайлович* (1895—1958) сблизился с Ремизовым весной 1921 г. и был возведен в кавалеры Обезьяньей Великой и Вольной палаты грамотой от

30 мая 1921 г. (РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 22; опубл.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные... (раздел «Коллекция»)); см. также описание грамоты: *Обатнина Е. Р.* Кладовые творчества А. М. Ремизова (Аннотированный каталог артефактов писателя в собрании Рукописного отдела Пушкинского Дома) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 годы. СПб., 2011. С. 302–370. Ср. о чтении Зоценко на вечере в Доме Искусств 23 мая 1921 г.: «Вчера вечером в Доме Искусств был вечер “Сегодня”, с участием Ремизова, Замятина — и молодых: Никитина, Лунца и Зоценко. Замятин в деревне — не приехал. Зоценко — темный, больной, милый, слабый, вышел на кафедру (т. е. сел за столик) и своим еле слышным голосом прочитал “Старуху Врангель” — с гоголевскими интонациями, в духе раннего Достоевского. Современности не было никакой — но очень приятно. Отношение к слову — фонетическое. Для актеров такие рассказы — благодать. “Не для цели торговли, а для цели матери” — очень понравилось Ремизову, к<ото>рый даже толкнул меня в бок» (*Чужковский К.* Дневник, 1901–1929. М., 1991. С. 170). По-видимому, Зоценко нуждался в дружеской и профессиональной поддержке Ремизова (ср. дневниковую запись: «Июнь. Был у Ремизова. Читал повесть — одобрил. Говорили долго. <...> Записан в кавалеры Ордена Обезьяньего Знака») и был чрезвычайно угнетен его исчезновением из петербургского контекста 5 августа 1921 г. Так что в его дневнике появилась запись, свидетельствующая о двойственных настроениях Ремизова накануне отъезда: «А! Убежал Ремизов. Дико. Человек два часа говорил: — “Не понимаю, что нужно, скажем, Ал. Толстому, графство его, что ли? Зачем ушел из России? Что будет делать? Я бы этого не сделал”. — И вот. Дико» (*Зоценко М. М.* Из писем и дневниковых записей (1917–1921 гг.) / публ., вступ. ст. и примеч. Ю. Томашевского // Новый мир. 1984. № 11. С. 228). Ср. также запись в дневнике К. А. Федина от 2 января 1921 г.: «А. М. Ремизов, ежась от вечного холода и внутренней дрожи, с лицом юродиво-верующего, говорит, потихоньку: — А я вот счастлив, очень счастлив, что всю революцию просидел в Петербурге. Ну, что они поразъехались по заграницам, что они там видят, с кем живут? Мне их жалко. Вот Алексей Толстой. Отказался бы от своего графа и жил бы тут. Ведь он это понимает, что не в графе дело, а вот поди... Пропашие они, эмигранты...» К этой записи Федин приписал позднее примечание: «Вот это говорил Ремизов не только мне: почти дословный разговор с ним передавал мне М. Зоценко уже после “побега” Р<емизова> за границу». Здесь же Федин писал о самом Ремизове: «Таких мало, таких почти нет. Все плачутся и скрежещут остатками старых зубов. А другие не в меру служат сугубо правомерным коммунистам. И оттого противно тоже» (Из трех петроградских дневников 1920–1921 годов / публ. Н. К. Фединой и В. В. Перхина; коммент. В. В. Перхина // Русская литература. 1992. № 4. С. 154, 162).

³⁵ Рецензия на роман Сологуба «Заклинательница змей» (1921) была написана, однако осталась неопубликованной; автограф сохранился в фонде Никитина (РГАЛИ. Ф. 2575. Оп. 1. № 58).

³⁶ Подразумевается издание: *Ремизов А.* Огненная Россия. Ревель: Библиофил, 1921. В книгу включены три поэмы Ремизова 1917–1918 гг.: «Слово о погибели России», «Огневица», «О судьбе огненной: от слов Гераклита», а также речь «Огненная Россия: памяти Достоевского», прочитанная писателем в петроградском Доме Литераторов на вечере, посвященном памяти Достоевского, 11 февраля 1921 г.

14/IV. <1922>. Страстная Суббота.
Питер

Алексей Михайлович, дорогой — крепко обнимаю Вас и трижды целую. — Через три часа пойду к Знаменью¹ слушать, как поют Пасху красную². Серафиме Павловне почтительнейше целую ручку.

Получили ли Вы грамотку мою от 24/III, заказным письмом <?>.

От Пильняка слух был в Питере, что к нам думаете³. Вот уж были бы рады. Без Вас и скит наш будто без пастыря. Верно. Надо нам душу, утверждающую истину. А то мы — «братишки», легкоперые «закройщики» из правила выйдем. И не ввести нас потом в подвиг. Ах, Алексей Михайлович. Все это правильно я говорю, что были бы мы несказанно рады, а все ж таки каждый из нас рвется сам куда-либо махнуть, будто гонит нас что, свербит и ноет страсть в нас к движению. И домоседы мы, скорее, по обстоятельствам финансовым.

«Рвотный форт» мой — повесть — прошел по всем инстанциям и теперь можно приступать к печатанию. Да издатель мой «Эрато» прижимается, будто «ставки» в типографиях очень высокие, трудно — дорога книга⁴. Но в общем надеюсь на отдельную книгу⁵. Все мы нынче спешим с «собраниями сочинений». Хотя лучше бы мне высидеть, покипеть, не ершиться. «Былое» через Замутия торгует у меня книжечки рассказов⁶, не знаю, как мне устроиться. Рассказы-то все распиханы по альманашкам, а вы знаете, как нынче кунктатрят⁷ с изданием, т<ем> ч<то> еще не напечатанное, а тут уж, пожалуйста, отдельная книжка. Думаю, как-нибудь вывернуться. Книжку назову — «Камни»⁸.

Серапионы все здравствуют. Хорошо работает Всеволод Ив<анов>, Миша Зоценко запис. Ему труднее, чем Всеволоду, — ему нужно находить и находить себя многообразно, «Синебрюхов»⁹ может выйти, а что-либо другое и не удастся. А Всеволоду легче — материал у него экзотический — сибирские переполюхи. Все это интересно само по себе.

Так как почта два дня закрыта, то отложить о дальнейшем и описать, как мы проводили праздники¹⁰.

— 4-ый праздничный день.

Только пришел от отца Замутия. Там пили чай: я, брат Слонимский¹¹, Лева Хитрый¹² и новый отрок, коего Вы, пожалуй, и не знаете — В. Каверин (в просторечии именуемый Зильбером, человек романтический, юноша 20 лет, склонный к иностранному, к Германии)¹³. Не получали ли Вы весточек от брата-скандалиста бесчинствующего¹⁴. Необходимо знать нам точно. По библиографии судя — печатание книг Ваших идет отлично¹⁵. Сердечно радуюсь. А мы на второй день кутили в Доме Искусств. Я сидел на столе и песни из заозерщины вслух пел¹⁶. А Замутий дразнил меня восставшим ангелом за то, что против его я восстал¹⁷. Вышла в изд<ательст>ве «Эпоха» повесть Всев. Иванова «Цветные

ветра»¹⁸; то самое, что тогда спутали с Вячесл<авом> Ивановым в «Русской Книге». «Эпоха», кажется, прогорает. Плохо идет у них книга¹⁹.

Скоро выходит альманах 1-ый Серапионов. Уже готов — только выпустить из типографии²⁰.

Прочтите в № 2 журн<ала> «Новая Россия» мой последний рассказ «Пес» и напишите — как Вам понравился²¹.

Несчастливая судьба моя — жены одолевают, и писать некогда. Вот весною думаю на Онегу поехать, коли деньги будут.

А куличи у еписк<опа> обезьянского — вкусные, сдобные. Как вы Пасху встречали, дорогой Алексей Михайлович?

Погода нынче сухая и ясная. Палит солнце, молодеют улицы, и лед тронулся.

По пайку дали мне рыжие америк<анские> ботинки, т<ак> ч<то> на Невском кажутся <так!> я настоящим франтом. А дома читаю апостола Павла и пишу письма. Наслаждаюсь тоже пасхою и куличом, и трезвоном. Рядом, ведь, со мною Романовская церковь²².

Мать-монахиня манатейная²³, Анна — сугубо посещает Серапионовские бдени²⁴. Все обстоит отлично.

Задумал сейчас новый рассказ, но для этого надо выучиваться цыганскому языку²⁵. Завтра достаю необходимые пособия и сажусь за цыганский букварь. Ловко?

А пока соображаю и смакую в «Живописной» России»²⁶ маршрут своего путешествия на Север.

Из новостей — сплетен питерских мало что знаю... разве вот Сологуб решил перестать писать. Довольно, — говорит²⁷. В обсуждение этого трудно мне вдаваться. Но думаю, что не утерпит. Большую надо иметь силу художнику, чтобы в зените творчества сказать себе самому: — остановись! Такую силу имел покойный Куинджи. Жизнь кончая профессором академии, — и только²⁸. Но сколь мало таких...

Живу я привольно — как теленок. И не гнетет меня ни скорбь, ни забота, лишь зуд к хлопотам овладевает... От этого, думается мне, жизнь моя неправильная и пустяковая. Хоть бы выпорол кто-нибудь, русский человек ведь любит, когда его порют. Не зря исправничек про унтера-вдову сказал, что сама себя выпорол. Я так и думаю, что никакой квартальный тут не виноват, а верно — она сама себя — сама напоролась; назоём²⁹ взяла, что хочешь-не хочешь, а такую выпорешь³⁰.

Господи, все это глупости я пишу, будто собачка Фиделька³¹.

Хотел я рецензировать «Огненную Россию» и «Шумы»³² для «Кн<иги> и Рев<олюции>»³³. И не выходит. Ремизов мой не укладывается в рецензию. Рецензия до сих пор вобла сушеная, а что это за рыба, мы — паёшники хорошо знаем³⁴. «Огненная» — незабываемая книга, вещь. Если пня не осталось бы, если бы все было прожито по «Огненной», можно рассудить и о боли нашей, и о гневе, и о восторге, и о плаче. Когда читал я — слезы капали. Точно не Вы, а птица Див³⁵ пела мне. «Огненная» — гимн Революции, бунту русскому.

Не забывайте кавалера Вашего олонецкого — грамоты жалованной до сих пор из Палаты не получил³⁶.

Адресок мой на случай.

Петроград. Полтавская, 10

Никитин

¹ Подразумевается деревянная Знаменская церковь (Церковь во имя Входа Господня во Иерусалиме) на Знаменской площади (ныне — площадь Восстания) в Петрограде; разобрана в 1941 г.

² Пасха красная — слова из стихир, которая поется, начиная с Пасхальной заутрени и до отдания Пасхи.

³ *Пильняк Борис Андреевич* (наст. фам. Вогау; нем. Wogau; 1894—1938). В конце марта — начале апреля вернулся из Берлина, где тесно общался с Ремизовым. См. письма Пильняка Ремизову в кн.: *Пильняк Б. А. Письма: в 2 т. / сост., подгот. текста; предисл. и примеч. К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. М., 2010* (по именному указателю).

⁴ См. п. 1, примеч. 13.

⁵ См. п. 1, примеч. 10.

⁶ Кооперативное товарищество «Былое» (1917—1925), фактическое руководство которым осуществлялось П. Е. Щеголевым, в серии — Библиотека издательства «Былое» — наряду с другими писателями-беллетристами — выпустило в 1922 г. сборник Никитина «Американское счастье» (см. п. 1, примеч. 18), а также в 1923 г. сборник «Камни»).

⁷ *Кунктатор* — медлительный, нерешительный человек (*устар.*). От прозвища древнеримского военачальника Quintus Fabius Maximus Cunctator (*лат.*), прозванного кунктатором за соответствующие свойства характера.

⁸ Здесь речь идет о первом издании сборника «Камни» (см. п. 1, примеч. 15), в который вошли два рассказа «Камни» и «Пес»: *Никитин Ник.* Камни. Пб.: Алконост, 1922.

⁹ См. п. 1, примеч. 14.

¹⁰ Очевидно, пасхальные праздники.

¹¹ *Слонимский Михаил Леонидович* (1897—1972). Биографический очерк о нем см.: *Фрезинский Б.* Судьбы Серапионов. С. 109—122.

¹² *Луц Лев Натанович* (1901—1924). Биографический очерк о нем см.: Там же. С. 31—43.

¹³ *Каверин Вениамин Александрович* (наст. фам. Зильбер; 1902—1989). Биографический очерк о нем см.: Там же. С. 149—161. Подразумевается увлечение Каверина Э. Т. А. Гофманом, сказавшееся в его первых рассказах «Одиннадцатая аксиома» (1920), «Хроника города Лейпцига за 18... год» (1922).

¹⁴ Прозвище близкого друга «Серапионов» *Виктора Борисовича Шкловского* (1893—1984), который в марте 1922 г. был вынужден скрываться от преследований ГПУ. Подробнее об этих обстоятельствах, вынудивших литератора бежать за границу (сначала в Финляндию, а затем в Германию), см.: *Шкловский В. Б.* Письма М. Горькому (1917—1923 гг.) / публ. и коммент А. Ю. Галушкина // *De visu.* 1993. № 1. С. 28—46. См. также очерк, посвященный творческой биографии писателя: *Чудаков А. П.* Два первых десятилетия // *Шкловский В. Б.* Гамбургский счет: Статьи — Воспоминания — Эссе (1914—1933). М., 1990. С. 17—19. Заметки писателя о «Серапио-

новых братьях» см. в автобиографической книге: *Шкловский В.* Сентиментальное путешествие. М., 1990. С. 266–269. Общение Шкловского с Ремизовым в Берлине в 1922–1923 гг. отражено в написанной им в эти годы книге «Зоо, или Письма не о любви» (1923; «Письмо пятое»). См. также упоминания о Шкловском в берлинской книге Ремизова «Кукха. Розановы письма» (1923; гл. «Луна светит»).

- ¹⁵ Очевидно, источником сведений стал апрельский номер журнала «Новая русская книга», где в разделе «Книжная летопись» перечислены шесть книг Ремизова, выпущенных берлинскими русскими издательствами в 1922 г. (1922. № 4. С. 47).
- ¹⁶ Речь идет о фольклоре Олонецкого края, — родине родителей писателя, где он проводил летние месяцы.
- ¹⁷ Должно быть, тема восстания против «Отца-создателя» возникла в связи с участием в критике замечаниями о «подражании» молодого писателя творческой манере Замятина. Так, в статье «Литературные отклики», напечатанной в весеннем номере журнала «Красная новь», А. К. Воронский выявил несколько закономерных тенденций к эпигонству: «Почти все “молодые” подражают кому-нибудь <...>. В рассказах Пильняка нередко чувствуется А. Белый <...> у Ник. Никитина — Замятин и Ремизов» (1922. Март—апрель. Кн. 2. С. 271). См. также письма Никитина Воронскому, в которых «серапион», признавая Замятина своим учителем, отстаивал самостоятельность собственного творческого пути. Подробнее см.: *Фрезинский Б.* Судьбы Серапионов. С. 214–215. Письма Никитина Воронскому см.: Из истории советской литературы 1920–1930-х годов. М., 1983. С. 561, 575. (Литературное наследство: т. 93).
- ¹⁸ *Иванов Вс. В.* Цветные ветра: повесть. Пб.: Эпоха, 1922.
- ¹⁹ Предположительно, речь идет о владельце кооперативного издательства «Эпоха» Е. Я. Белицком (ред.: Е. И. Замятин и К. И. Чуковский). В начале 1922 г. «Эпоха» учредила свое берлинское отделение, которое возглавил С. Г. Каплун-Сумский.
- ²⁰ Книга вышла из печати в апреле 1922 г. См. также п. 1, примеч. 8.
- ²¹ Второй номер журнала «Новая Россия», который задумывался его учредителем и редактором И. Г. Лежневым как единственный в России публицистический беспартийный журнал (первый номер вышел в марте 1922 г.), имел непростую печатную историю, поскольку в апреле, сразу по выходе из типографии, он был конфискован за статью И. Г. Лежнева «Эманципация Советов». См. сообщение, опубликованное в берлинском журнале «Новая русская книга» (1922. № 6. С. 43). Возможно, Ремизов стал обладателем библиографической редкости. Повторный номер журнала вышел без нумерации и указания месяца на титульной обложке только в июле (см.: Книжная летопись. 1922. № 16. 16 авг. С. 29). Рассказ «Пес» в этом номере был опубликован на с. 10–19. Отзыв Ремизова неизвестен, но название рассказа упоминалось писателем в очерке «Крюк» (см. п. 1, примеч. 8). «Собрать» Никитина — Л. Лунц в своей речи «На Запад!», прочитанной на собрании Серапионовых братьев 2 декабря 1922 г., счел этот рассказ Никитина возвращением на «протопанную дорогу» сюжетосложения. Ср.: «Никитин, ты, написавший “Ангела Аввадона” и “Дэзи”, — поверь, в этих слабых попытках больше возможностей, чем в законченных “Псах” и “Колах”» (впервые: Беседа. Берлин, 1923. № 3. Сентябрь—октябрь. С. 259–274; цит. по: *Лунц Л.* Литературное наследство / предисл. коммент., сост., подгот. текстов А. Л. Евстигнеевой. М., 2007. С. 355).
- ²² Романовской церковью в обиходе петроградской жизни начала 1920-х гг. назывался собор Феодоровской иконы Божьей Матери, возведенный (1907–1914) в память 300-летия Дома Романовых на Миргородской улице.

- ²³ Манатейный (*церк.*) — имеющий право носить монашескую мантию.
- ²⁴ Очевидно, поэтесса *Радлова Анна Дмитриевна* (урожд. Дармолатова; 1891—1941), с которой Ремизов общался в 1920 г. Тогда же поэтесса была посвящена в кавалеры обезьяньего знака, который сохранился вместе с другими рисунками Ремизова в ее альбоме (РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 42. № 68. Л. 64—70, 74; воспр.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные... Раздел «Коллекция»).
- ²⁵ Подразумевается рассказ «Чаване», появившийся на страницах второй книги альманаха «Наши дни» (Пг., 1922). Альманах «Наши дни» (№ 1—5. М., ГИЗ, 1922—1925; ред. В. В. Вересаев, А. К. Воронский). В последующих изданиях название рассказа было изменено на «Чавалы» (см.: *Никитин Н.* Рвотный форт. Изд. 2-е, испр. и доп. М.; Л., 1926).
- ²⁶ Очевидно, речь идет о богато иллюстрированном 19-томном издании «Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении», подготовленном к печати товариществом М. О. Вольф в 1881—1901 гг.
- ²⁷ Возможно, информация основывалась на слухах о тяжелой депрессии *Федора Сологуба* (Тетерников Ф. К.; 1863—1927), связанной с исчезновением 23 сентября 1921 г. его жены — А. Н. Чеботаревской. Страшные предположения о ее гибели подтвердятся вскоре, когда 2 мая 1922 г. обнаружится труп утопленницы. См также: Воспоминания Т. Н. Черносвитовой о смерти А. Н. Чеботаревской-Сологуб, записанные Л. Н. Шуко / публ. М. М. Павловой // *Memento Vivere: сб. памяти Л. Н. Ивановой* / сост. и науч. ред. К. А. Кумпан, Е. Р. Обатнина. СПб., 2009. С. 489—496.
- ²⁸ *Куинджи Архип Иванович* (при рождении: Куюнджи; 1841, по др. сведениям — 1842—1910) — живописец. Очевидно, подразумевается так называемое затворничество художника в его крымском имении, последний раз показавшего свои полотна на персональной выставке в ноябре 1901 г. Однако отказ от публичности вовсе не был связан с отказом от творчества. Напротив, в последнее десятилетие своей жизни художник создал полотна, которые были причислены к вершинам его мастерства («Радуга», «Красный закат», «Ночное»). Профессорство в Императорской Академии художеств относилось к расцвету петербургского периода жизни живописца — 1894—1897 гг.
- ²⁹ *Назой (диалект.)* — настойчивость.
- ³⁰ Специфическая интерпретация мотива из комедии Гоголя «Ревизор» (1834) об унтер-офицерской вдове, которая, по словам городничего, «сама себя высекла».
- ³¹ *Фидель* — кличка собачки из повести Гоголя «Записки сумасшедшего» (1836).
- ³² Подразумевается книга рассказов, написанных в 1917—1921 гг.: *Ремизов А.* Шумы города. Ревель: Библиофил, 1921.
- ³³ Рецензии Никитина на произведения Ремизова неизвестны ни в рукописях, ни в печати.
- ³⁴ Речь идет о продовольственном пайке, установленном советским правительством в период Военного коммунизма 1918—1921 гг., основным продуктом которого была вобла.
- ³⁵ Персонаж восточнославянской мифологии; упоминается в «Слове о полку Игореве». См.: *Мифологический словарь* / под ред. Е. М. Мелетинского. М., 1990. С. 187.
- ³⁶ Никитин так и не был удостоен грамоты кавалера Обезьяньей Великой и Вольной Палаты.

3

2/V <19>22. Питер¹.

Не поняли Вы меня, дорогой Алексей Михайлович, насчет Unter den Linden. Может, немцы работают чудовищно и прекрасно, и учиться этому следует, а у нас работать, на нашей корявой гали², все-таки надо, именно — русским людям³. Надо пахать галь. Ну — ладно. Поручения честно исполнен<ы> и на этой неделе посылаю через Константина А<лександровича>⁴ следующие книги: «Укрепцу», «Странница»⁵.

«Русских же женщин»⁶ сейчас не достал. Ни у кого нет. По магазинам обошел всю Литейную книжную линию⁷. «Оплешничков»⁸ тоже нет. «Странница» принадлежит Шишкову. А «Укрепца» Илье Груздеву⁹. Просит последний взамен прислать Вашу как<ую>-либо заграничную книжку. Очень.

Остальные Вам подберу — и дошлю. Есть человек, имеющий вес. Но это идол, которому подай сейчас на руки заграничные Ваши издания — в обмен. (Адрес идола: Фонтанка, 66, кв. 34. Андрей Андреич <так!> Кази)¹⁰.

В пятницу на этой неделе посылку Вам пошлю и приложу туда № 2 «Новой России». Там мой один из последних рассказов¹¹.

Показывал я письмо Шишкову насчет «Оплешничков» — переискали по всем журналам. Нет. Укажите поподробнее.

Расскажу о первом мая. На Марсовом поле был парад, ночью фейерверк, на гуляньях я не был, голова болела от сырой моей квартиры. По улице прошел по делу — и вижу: Невский¹² весь заполонен. Народ гуляет жирными грудями по теплой погоде. Комару не пролететь — густо и душно.

Настоящее народное гулянье...

То, что был «Екатерингофом», стал «Первого мая»¹³.

Народ: гусары в ментиках и доломанах¹⁴. Моряки в новой форме¹⁵: с нашивками по чинам...

И народ — народ — народ.

Русские — не изживают, не переживают. Мы живем, мы ребята подвальные, страдающие, но верю я, что Иван еще пройдет по улице-мостовой¹⁶, когда вырастет. Те, что сидят долго и на пуп смотрят, высидят чудо. Ей-Богу... В России чудеса удивительные всегда... Наши святые — прокаженные, а Петр Строитель — сифилитик. Немцу бы смерть, а у нас чудо.

О делах писательских, что сказать. Живут. Млеют за книгами, а издатели жмутся. Меня — сволочь одна надувает, не сдает в набор. Страшно дорого, — говорит, — подожду, что чепухи и так много. И лучше бы сдать все Госиздату. Работают они быстро сравнительно и отчетливо. А у частных одна волынка. Сижу ущемленный — и не вижу своих трудов. А мог бы издать я, пожалуй, книжки две, если бы отдавал Воронскому. Вот Вс. Иванов — счастье ему, отдает все Совету¹⁷ и хвалят его в советских газетах. Но не хвала меня угрызает, а медленность. Хочу я скорей, торопыгой родился... В библиографии почти каждой — имя свое нахожу, да и о том, о чем хотел бы, что плоть моя, кровь моя и сердце. Вот, о чем болею. Хорошие вещи втуне лежат.

Заступника мне надо, кто поднял бы меня¹⁸.

Дорогой Алексей Михайлович — просьба к Вам горячая.

Из того, что послал Вам — нельзя ли перепечатать где «Пес» (он в № 2 «Новой России», экземпляр коей посылаю Вам). Где угодно...¹⁹ За исключением, конечно <так!>, каких-либо «Двуглавых орлов»²⁰, если такие имеются — там не хочу, да там и не примут меня и мое.

Оживило бы меня это.

Кстати — получили ли Вы «Альманах Серапионовск<ий> 1-ый»? ныне составляем второй. Даю туда только что написанный рассказ «Пэла»²¹. У других что, еще не знаю.

В Питере стал выходить юморист<ическо>-сатирич<еский> журн<ал> «Мухомор»²². Редактор там Железнов (Эйзен), б<ывший> ред<актор> «Нивы»²³. Во № 2 будут Шишкова вещи, и кажется, из наших кто-либо²⁴. Я не хочу — кой черт веселиться, когда надо не польку плясать, а работать серьезно. Времени итак мало, чтобы мелочишку рассыпать.

Алексей Михайлович, в Питере был слух упорный, что Вы «омолодились по Штейнаху»? Правда ли? «И будто все у вас стало другое в организме?» Вот именно так говорят²⁵.

Книги, как только получите, так сейчас известите, чтобы я знал.

9/V.

Задержал письмо, п<отому> ч<то> не было книг. Завтра отдам их Констант<ину> А<лександровичу>²⁶. «Русск<их> женщин» отошлю дополнительно. Об этой присылке сообщите.

Борис Пильняк, наверное, уж знаете: матёрит на Посадьях²⁷.

С Замятиным давно я не виделся.

Одолевает меня женская любовь. Женщины кругом такие славные, что трудно жить. Прямо мало-мало... Все это такое маленькое, что всегда надо быть, поспеть, приласкать. А куда мне, кроме их <так!>, тоску свою скинуть? Некуда, вот и верчусь. Кручу любовь.

А тут еще чтение — книжки всякие, да паек получать²⁸, да рождение девушки, да работка — работа — работище.

Планы — планищи... И надо писать, писать, а тут танцевать зовет хорошая девушка. И ни свету электр<ического>, ни керосина нет. Ночью спать надо.

И Никитин Никол<ай> на части разрывается.

От 2 до 9/V, пока перерыв был в послании моем, новый еще рассказ написал «Чаване»²⁹ из цыганской жизни.

Вот еще хочу в Москву ехать³⁰.

Алексей Михайлович, передавали мне, что через К. И. Чуковского Ал. Толстой шлет привет³¹. Я страшно рад ему, я не знаю его, я за партой мальчонкой сидел, когда писал он «Хромого барина»³², но во мне есть дерзость. И эта дерзость дает мне право сегодня оценить его ход, как правильный ход. Если видите с ним, Алексей Михайлович, скажите, что я горячо рад буду видеть его... Но разве и один я?

Приветствую Серафиму Павловну. Жду Вас и думаю постоянно, и говорю постоянно. Не будь Вас, кто понял бы русское.

Ник. Никитин

- ¹ В датировке, очевидно, ошибочно поставлена римская цифра IV. Однако продолжение письма уже датировается маем.
- ² Диалектное слово, с исходным значением — “открытое, голое место”, обозначающее голое место. Ср.: *прогалина*, *голец*, *голомень*. В Полесье *галя* “чистое моховое болото в лесу”; “безлесное место”; “поляна”; *галина* “ровное, безлесное место в лесу”, “открытое безлесное пространство». Подробнее см.: *Сьянова Е. И.* Растительный мир в ономастической картине мира диалектоносителя (на материале смешанных русских и украинских говоров Воронежской области) // *Этноботаника: растения в языке и культуре*. СПб., 2010. С. 88–89 (Acta linguistica Petropolitana: тр. Ин-та лингв. исслед. РАН / отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. 6, ч. 1).
- ³ Несомненно, начало письма содержит реакцию на мысль Ремизова, которую писатель высказал в письме Никитину и повторил в финальном фрагменте автобиографического очерка «Алексей Ремизов о себе», опубликованном полгода спустя на страницах журнала «Россия». Ср.: «Пользуясь гостеприимством Германии, поселился я в Шарлоттенбурге на Церковной улице (Charlottenburg, Kirchstr., 2 bei Delion), продолжаю начатые в России работы <...>, — и учусь у великой германской культуры, давшей столько миру, и особенно России в науке, в искусстве, в примере *труда* (курсив Ремизова. — Е. О.) и в бережении культуры» (Россия. 1923. № 6. Февраль. С. 26).
- ⁴ К. А. Федин. Речь идет о пересылке ремизовских сборников, вышедших в петербургских издательствах до революции, которые писатель не смог взять с собой при отъезде и в течение первых двух лет жизни за границей восстанавливал свою библиотеку с помощью петербургских друзей.
- ⁵ *Ремизов А.* Укрепя: Слово к русской земле о земле родной, тайностях земных и судьбе. Пг.: Лукоморье, 1916. 141 с.; *Ремизов А.* Странница: повесть. Пг.: Т-во «Революционная мысль», 1918. С. 23–77. [54] с. Повесть была отпечатана отдельным оттиском.
- ⁶ *Ремизов А.* Русские женщины: Народные образы. СПб.: Скифы, 1918. 144 с.
- ⁷ Подразумеваются книжные магазины на Литейном проспекте.
- ⁸ *Ремизов А.* Оплешнички: рассказ // *Моряк*. 1918. № 2 (май). С. 2–5. Впоследствии рассказ частично вошел в очерк «Семь бесов» воспоминаний «Иверень».
- ⁹ *Груздев Илья Александрович* (1892–1960) — участник содружества «Серапионовы братья»; биограф М. Горького.
- ¹⁰ *Казис Андрей Андреевич* (1901–1938; репрессирован; расстрелян) — уроженец Афин, грек, член ВКП(б) в 1926–1938 гг., в начале 1930-х гг. директор ленинградского Дома писателя им. Маяковского; в 1922 г. — муж З. А. Гацкевич, в скором времени вышедшей замуж за Никитина.
- ¹¹ См. п. 2, примеч. 18.
- ¹² В 1918 г. историческое название было переименовано в проспект 25 Октября, однако нововведение большевиков не прижилось в городском обиходе.
- ¹³ Ландшафтный парк, в котором располагалась загородная резиденция Екатерины I — Екатерингоф (букв. Двор Екатерины — *нем.*). Еще при Петре I в Екатерингофе отмечались так называемые «майские праздники», связанные с взятием шведской

- крепости Ниеншанц. С XIX в. усадьба стала общедоступным городским парком, в котором утвердилась традиция в мае отмечать народными гуляниями начало весны. После революции этой петербургской традиции были присвоены идеологические обоснования и парк стал именоваться Садам Первого мая.
- ¹⁴ Речь идет об элементах гусарского мундира. Доломан — короткая (до талии) однобортная куртка со стоячим воротником и шнурами, поверх которого надевалась короткая гусарская накидка с меховой опушкой — ментик.
- ¹⁵ Приказом РВСР от 31 января 1922 г. была произведена реформа военной формы.
- ¹⁶ Аллюзия к русской народной песне «По улице мостовой».
- ¹⁷ Очевидно, подразумевается Госиздат. Собственно литературного «Совета» как инстанции не существовало.
- ¹⁸ Ремизов охотно выполнял миссию литературного покровителя, поместив в берлинском «Голосе России» рассказ Никитина «Мокей», предварив публикацию заметкой «Серапионовы братья» (1922. 21 мая. № 971. С. 7; заметка подписана: *Друг Серапионов*). См. также о ремизовских публикациях, посвященных творчеству «Серапионовых братьев»: *Обатнина Е. Р.* А. М. Ремизов и «Серапионовы братья» (к истории взаимоотношений). С. 223–238; *Фрезинский Б.* Судьбы Серапионов. С. 215–218.
- ¹⁹ См. примеч. 18, а также п. 2, примеч. 19.
- ²⁰ Журнал «Двуглавый орел» — «Вестник Высшего монархического совета», выходил в Берлине с 1920 г. по июнь 1922 г. Подробнее: *Кудрявцев В. Б.* Периодические и неперидические коллективные издания русского зарубежья. 1918–1941: в 2 ч. М., 2011. Ч. 1. С. 232.
- ²¹ Летом 1922 г. вышел сб. «Серапионовы братья. Заграничный альманах» (Берлин: Русское творчество, 1922), в котором Никитин выступил с рассказом «Пес». Очевидно, здесь речь идет о рассказе «Пелла», опубликованном в журнале «Россия» (1922. № 3. Октябрь. С. 3–7), под названием «О лете огненном», с посвящением «З. Г.» — Зое Александровне Гацкевич (см. п. 3, примеч. 8). Рассказ также был включен в авторский сб. «Рвотный форт».
- ²² Сатирический журнал «Мухомор» (Петроград, 1922–1923) был основан выходцами из петербургского журнала «Сатирикон».
- ²³ *Эйзен Илья Моисеевич* (псевд. Железнов; 1869–1936) — журналист; главный редактор журнала Нива (1869–1918); редактор сатирического журнала «Мухомор» (Пг., 1922–1923).
- ²⁴ Ср. строки из письма Вяч. Шишкова Ремизову от 2 мая 1922 г.: «Начал выходить здесь журнал “Мухомор” — работают сатириковцы. Цензура милостива. Дал туда 4 маленьких рассказа. За последний заплатили 5 милл<ионов>. Просят писать еженедельно. Но я не Бог и не Вс. Иванов, послал их подальше. Воинов, Эмиль Кроткий, Аверченко (получено несколько его рассказов), Азов, Оль Д’Ор (под другой фамилией), Серапионовы братья, художники: В. И. Козельский, Лебедев, Анненков, Радаков и другие. Толк вряд ли будет, дорого обходится, дорого продается и потому плохо идет. Вообще книга, в особенности беллетристика, совсем нейдет» (Amherst. Series 1. В. 1. Ф. 5). Ремизов практически без изменений поместил этот фрагмент в хронику «Труды и дни писателей в России», которую он анонимно составлял на страницах берлинской газеты «Голос России» (1922. 11 июня. № 937. С. 9).
- ²⁵ Речь идет о слухе, пущенном Е. И. Замятиным, который основывался на провокационной строчке из недатированного письма Ремизова. По-видимому, в конце мар-

та — апреле 1922 г. писатель сообщал, подразумевая улучшение общего физического состояния и избавление от мигреней, заставлявших его туго обматывать голову полотенцем: «Я без чалмы, но теперь в силах: а самое подблаговещение вышел из клиники профессора Штрауха» (ИМЛИ. Ф. 47. Оп. 3. № 171). Упоминание фамилии немецкого происхождения (возможно, также упомянутой Ремизовым по аналогии с профессором-офтальмологом, трансплантологом К. Штраухом, практиковавшим в Петербурге) создало ироническую корреляцию с именем известного австрийского ученого-биолога и физиолога *Эйгена Штейнаха* (Eugen Steinach; 1861—1944), который осуществил несколько сенсационных экспериментальных операций. В 1922 г. в Петрограде вышла книга биолога и физиолога Н. К. Кольцова «Омоложение по доктору Штейнаху», посвященная методу омоложения человека посредством воздействия продуктов жизнедеятельности половых желез. Метод Штейнаха получил особенное преломление в условиях формирования различных футуристических программ создания нового общества и модели нового советского человека. О развитии сенсационного метода в условиях советского государства см.: *Маликова М.* НЭП как опыт социально-биологической гибридизации // [Электронный ресурс] URL: www.el-history.ru/node/360 (дата обращения: 17. 12. 2017). Насколько популярно стало имя Штейнаха после 1922 г., говорит и упоминание о нем с негативной точки зрения в статье И. Г. Лежнева, посвященной идее новой советской государственности на пути к цивилизации и мировой культуре: «Две прививки — Штейнах и Ленин». В статье, в частности, говорилось: «Может быть, из всех явлений современного вырождающегося Запада — явление Штейнаха — самое символичное. Опустившаяся долу потенция, старческая раса, которая нуждается в искусственных прививках, в гальванизации» (Россия. 1923. № 7. Март. С. 13). Замятин упомянул о ремизовском «омоложении» в статье «Новая русская проза» (Русское искусство. 1923. № 2/3): «Из писателей, заброшенных в Россию Берлинскую <...> Ремизов — все еще тянет соки из той коробочки с русской землей, какую привез с собой в Берлин; ожидаемые последствия Штейнаховской операции — у него еще впереди» (цит. по: *Замятин Е.* Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания / сост. и коммент. А. Ю. Галушкина; подгот. текста А. Ю. Галушкина, М. Ю. Любимовой; вступ. ст. В. А. Келдыша. М., 1999. С. 90). Подробнее об этом сюжете и его развитии см.: *Обатнина Е.* Замятин pendant Ремизов: игра в шутку и всерьез // *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley Rabinowitz* / ed. С. Ciepiela and L. Fleishman: in 2 parts. Stanford, 2014. Part I. P. 310—324 (Stanford Slavic Studies. Vol. 45).

²⁶ К. А. Федин.

²⁷ 4 апреля 1922 г. Пильняк из Берлина (где он с 14 февраля по 28 марта останавливался в квартире Ремизова) вернулся в Коломну. Дом писателя находился рядом с Николо-Посадской церковью, давшей имя сборнику рассказов в трехтомном собрании сочинений писателя: *Пильняк Бор.* Никола-на-Посадях. М.; Пб.: Круг, 1923. Т. 3. В личной корреспонденции писателя приблизительно с ноября 1918 г. появился топоним: «Никола-на-Посадях», впоследствии утвердившийся и в литературной топографии (в конце рукописей). См., в частности, одно из первых известных писем с указанием данного литературного топонима и описанием церкви (*Пильняк Б. А.* Письма: в 2 т. Т. 1. С. 277).

²⁸ Речь идет о литературном пайке, выделенном Правлением Союза писателей благодаря ходатайству В. Шкловского и М. Слонимского. Сохранилось заявление, написанное рукой В. Б. Шкловского: «Литературное общество “Серапионовых братьев”,

объединяющее молодых писателей (беллетристов, поэтов и критиков), обращается в Правление П<етроградского> О<тдела> Всероссийского Союза Писателей с просьбой о предоставлении литературного пайка беллетристу Николаю Николаевичу Никитину.

Никитин — профессиональный писатель, выработавший собственный стиль, автор рассказов: «Кол», «Подвал», «Макей», «Ангел Аваддон» и др., составляющих книжку «Свияжские рассказы». Рассказ «Кол» печатается во № 2 журнала Дома Искусств, рассказ «Макей» премирован на конкурсе Московского ЛИТО (1-я премия). Ни одно из произведений Никитина не появилось до сих пор в печати потому, что Никитину 24 года, и он начал работать в литературе в то время, когда печатать что-либо не предоставлялось возможности.

Актуальность писателя Никитина несомненна. Поэтому необходимо, чтобы Союз Писателей поддержал его и освободил от целого ряда обязанностей, мешающих ему работать и отвлекающих от основной его профессии.

Никитина, как писателя, хорошо знают М. Горький, Евг. Замятин, К. И. Чуковский, А. Л. Волынский, Р. Иванов-Разумник, Б. М. Эйхенбаум.

По поручению общества

Виктор Шкловский

М. Слонимский

18 марта 1921 года» (РО ИРЛИ. Ф. 172. № 2000. Л. 1).

²⁹ См. п. 2, примеч. 21.

³⁰ В Москве Никитин оказался в первой декаде декабря. Поездка была связана с образованием книгоиздательства «Круг». См. письмо Никитина Федину от 1 декабря (Письма Н. Н. Никитина К. А. Федину 1920—1930-х гг. С. 37—39).

³¹ К. И. Чуковский состоял в переписке с А. Н. Толстым, в это время переехавшим из Парижа в Берлин после череды инцидентов, связанных с началом его деятельности как редактора литературного приложения к сменовеховской газете «Накануне». Обнаружение этого сотрудничества с зарубежными изданиями, направленными на раскол эмиграции, стоило Толстому изгнания из эмигрантского сообщества Парижа. В его разоблачении роковую роль сыграл председатель Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции Н. В. Чайковский. В письме, обращенном к Толстому как члену Комитета, Чайковский просил разъяснить, как следует понимать его сотрудничество в «органе “Накануне”, заведомо издающемся на большевистские деньги и открыто ставящем себе задачу бороться с русской эмиграцией, к которой и мы все, члены Комитета, вместе с Вами, до сих пор себя причисляли». Толстой, поставленный в тупик, решил обнародовать это письмо вместе со своим ответом, в котором он недвусмысленно выразил свою поддержку большевистской власти и, соответственно, той газеты, «которая ставит себе целью: — укрепление русской государственности, восстановление в разоренной России хозяйственной жизни и утверждение великодержавной России» (Накануне. 1922. 14 апр.). В России шаг Толстого получил одобрение в центральном печатном органе. В московских «Известиях ВЦИК» был не только перепечатан его ответ Чайковскому, но и препровожден статьей П. С. Когана «Раскол эмиграции», в которой письмо Толстого приравнивалось к таким образцам гражданской публицистики, как письма Чаадаева и письмо Белинского к Гоголю (Известия ВЦИК. 1922. 25 апр. № 87. С. 3). Подробнее об этом эпизоде в истории русской эмиграции см.: *Толстая Е.* Человек меняет векхи: Алексей Толстой по пути из Парижа в Берлин // Шиповник: к 60-летию Романа Давыдовича Тименчика. М., 2005. С. 446—472. См. также об отношении Ре-

мизова к Толстому в нашей статье «Россия в письменах»: советская корреспонденция в эмигрантском архиве А. М. Ремизова» (наст. изд.).

³² Роман А. Н. Толстого «Хромой барин» (1912).

4

12 — V — <1923>

20 Handel<s>-Mansions

Handel-str.

London W.C.I

Вот, дорогой Алексей Михайлович, снова пишу Вам ¹. Пильняк пошел брать ванну, мы с ним уже третий день в Лондоне ², а я вспомнил Вас и начал писать о своем житьишке. Слышал я, что Вы перебрались в другую квартиру ³. Слово мое — пожалуй, все — что главное, чувствуется душой. Без этого погиб. Существовать в России можно. Последнее время меня и Бориса ругают ⁴, ну да брань на вороту не виснет. Правда, это не хорошо... Поживем — увидим. Главное — это политика ⁵. Если это определяет литературу, критики из «Правды», противно. Но довольно об этом. Живу хорошо — вернее, жил. Сейчас в <Лондоне>. Здесь такая дороговизна, что не знаешь — долго ли протянешь. Литер<атурных> сфер никаких, издательств тоже нет, газет-журналов тоже. Хорошо здесь, что город нам чужой, солидный, туманный. Мы одиноки, есть время подумать. И этот город — что шумит, как турбина — и непрерывно движется, в этом отношении — в отношении думы для меня как деревня. Учиться здесь многому надо и много видеть. Это так хорошо — что я счастлив. В России я выпустил книгу «Рвотн<ый> форт», выпустил две маленькие книжки ⁶ и теперь в Москве, в изд<ательст>ве «Круг» выходит вторая моя книга рассказов «Бунт» ⁷. Еще бы хотелось мне знать, дорогой Алексей Михайлович, какого мнения Вы о моем сочинительстве — и как вообще относятся ко мне за границей ⁸. С собой в Лондон я привез две книги ⁹, большую повесть 5 листов — называется «Полёт», в России не печатавшуюся ¹⁰. Все это хотелось бы продать, хоть частично, или составить для какого-ниб<удь> берлинского издательства книгу ¹¹. Не знаете — кому можно это предложить. В таком же положении и Борис ¹². Нам очень нужны деньги. В этом городе с твердой валютой — мы проживаем в день столько, сколько в России не проживаешь и в неделю. Алексей Михайлович, напишите нам: кто из берлинских издателей купил бы у нас по книжке, можно и небольшой. Оплата — твердой валютой. Если будете писать — пишите скорее. Нынче положение Сов<етской> России в отношении к Англии не выяснено ¹³. Поэтому ждем В<ашего> письма, как можно спешно.

В России на Питерской стороне, за Невой у лавры, за Карповкой на Островах цветут черемуха и желтая куриная слепота — а здесь в Лондоне — скверы и между асфальта <трава — ?>. Не нравится нам. Обнимаем Вас. Поклон милой Серафиме Павловне. Ждем письма. Привет нашим друзьям!

Ваш Ник. Никитин

- ¹ Предшествующее письмо Ремизова от 17 мая 1923 г., опубликованное по автографу из архива Никитина (РГАЛИ. Ф. 2575. Оп. 1. № 290): «Дорогой Николай Николаевич! Пишите! Карточку фотографическую пришлите, пока все, что придумал. Надо вам сюда приехать с Борисом Андреевичем Пильняком. Хоть на краткий срок. Визу — через Представительство просите. Я думаю, Вам удалось бы здесь устроить книги. Только, конечно, на германские Марки. Вообще-то с книгами стало очень трудно. Но на вас, как на новенького могут позариться. Пишите! Серафима Павловна кланяется» (цит. по: *Фрезинский Б.* Судьбы Серапионов. С. 217). Публикатор не мог располагать материалами, позволяющими раскрыть значение просьбы о фотографической карточке, которая проясняется благодаря письму, адресованному Ремизову 6 апреля 1922 г. некой организацией в Вене, с приглашением к участию в сборнике в пользу голодающих России. По замыслу организаторов сборник должен был состоять «из произведений русских писателей, живущих в пределах или вне России» и выйти на пяти европейских языках. В оформлении сборника предполагалась публикация фотопортретов авторов (Amherst. Series 1. V. 1. F. 5. P. 40—41). Очевидно, Ремизов предполагал подключить Никитина к венскому проекту.
- ² Никитин вместе с Б. А. Пильняком были направлены Комиссариатом Внешней торговли в Лондон, — для сбора и систематизации информации о российской экономике в Бюро информации советского торгового представительства «Аркас». Официальная версия командировки была отчасти прикрытием основной цели поездки, предполагавшей участие писателей в Первом Международном Конгрессе ПЕН-клуба, начавшем свою работу 1 июня 1922 г. Ср. отчет В. Ходасевича в его письме М. Горькому, который получил из Правления Клуба ряд настораживающих вопросов по поводу выступления советских писателей. См. подробнее: *Казнина О. А.* Борис Пильняк и ПЕН-клуб // Борис Пильняк: опыт сегодняшнего прочтения. М., 1995. С. 134—152; Письма Максима Горького к В. Ф. Ходасевичу (1922—1925) // Новый журнал. 1952. № 29. С. 210—211. По впечатлениям заграничной поездки, которая не ограничилась пребыванием в Лондоне, Никитин написал серию очерков, составивших книгу «Сейчас на Западе. Берлин — Рур — Лондон» (Л.; М.: изд-во «Петроград», 1924; с посвящением: «Моему товарищу Б. Пильняку»), жанр которой в предисловии к изданию писатель определил как «путевой гербарий» или «роман человека, выехавшего из России и попавшего в иную обстановку».
- ³ С 1 апреля 1923 г. Ремизов с женой переехали по адресу: Berlin, Lessingstr., 16.
- ⁴ Подразумевается критические выпады со стороны Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), направленные на дискриминацию творчества писателей-«попутчиков». В частности, повесть Никитина «Рвотный форт» была аттестована в первом номере журнала «На посту» за 1923 г. как «рвотная порнография» и «контр-революция», «допущенная главлитом и напечатанная Госиздатом» (*Воллин Б.* Клеветники: (Эренбург, Никитин, Брик) // На посту. 1923. № 1. Стб. 19—24), а творческий стиль Пильняка в том же номере журнала получил негативную атрибуцию «пильняковщина» (см.: *М. П.* Литературная пильняковщина. С. 150). Новый «термин» подхватили и другие критики. См., в частности, статью Вад. Смушкова «Пильняковщина: Буржуазное окружение в литературе, или как мы “боремся” на идеологическом фронте» (Рабочая Москва. 1923. 3 марта. № 48. С. 3), где словообразование от фамилии писателя использовалось для обобщенного описания творческой деятельности представителей «буржуазной беллетристики».
- ⁵ Здесь, очевидно, Никитин, подчеркивал принципиальное несогласие с оценками художественных произведений с позиций политической тенденциозности, против

которой Никитин выступил вместе со всеми участниками группы «Серапионовы братья» в публичном ответе на статью С. Городецкого «Зелень над плесенью» (Письмо в редакцию (ответ «Серапионовых братьев» Сергею Городецкому) // Новая Россия. 1922. № 2. С. 160). Подробнее см.: Письмо-протест К. А. Федина и Вс. В. Иванова в редакции газет (1922) / публ. В. В. Перхина // Из истории литературных объединений Петрограда—Ленинграда 1920—1930-х годов: исслед. и материалы. Кн. 2. С. 17—26.

⁶ См. п. 1, примеч. 4.

⁷ *Никитин Н. Н.* Бунт: рассказы. М.; Пг.: Круг, 1923. 194 с. Кооперативное издательство «Круг» (М.; Пг., 1922—1929) было организовано артелью писателей. Из «серапионов» в члены правления артели входили Никитин и Всев. Иванов наравне с А. Воронским, А. Аросевым, Н. Асеевым, Б. Пильняком и В. Казиным.

⁸ Беспокойство по поводу собственного писательского реноме было связано с критикой напостовцев (см. примеч. 4). Ср. также письмо Никитина Федину от 19 июня 1923 г., в котором ошибочно вместо журнала «На посту» называется журнал «Кузница»: «Что в России? Как ко мне относятся. Когда мне в Лондоне сказали о статьях в “Кузнице”: 1) “пильняковщина” о Пильняке и обо мне и “клеветники (Ник. Никитин)” — у меня больно ёкнуло сердцу. Опять!!! Это тяжело и несправедливо» (Письма Н. Н. Никитина К. А. Федину 1920—1930-х гг. С. 41).

⁹ Очевидно, речь идет о книгах Никитина, в скором времени изданных в Берлине: 1) Русские ночи: повесть («Книгоиздательство писателей в Берлине», 1923); 2) Ночной пожар: рассказы (изд. «Петрополис», 1924).

¹⁰ Повесть «Полет» (изд. «Петрополис», 1924) была завершена 1 ноября 1922 г. См. датировку в конце публикации повести в полном объеме (Звезда. 1924. № 1, 2) Фрагментами «Полет» печатался в 1923 г. в журналах «Россия» (№ 6) и «Петроград» (№ 10). Полностью повесть также включена в состав одноименного сборника рассказов: *Никитин Н. Н.* Полет. Л.: ГИЗ, 1925. См. также отзыв о повести, предложенной в июне 1923 г. Никитиным для журнала «Беседа» (Берлин, 1923—1925; ред. М. Горький, Андрей Белый, В. Ходасевич), в письмах Ходасевича Горькому, с впечатлением от встречи с Никитиным в Берлине: «Я прочитал рассказ. Халтура несомненная. Жаль. Я не думал, что он решится предложить в “Беседу” эдакое. В порядке сплетни могу рассказывать вот что. Получив Ваше письмо, Никитин взъярился. Как? ему? за которым сам Воронский ухаживает? вернуть? Ему? да ему Толстой звонил по телефону в первый же вечер, как приехал в Москву! да он с Пильняком на ты! Главная же беда в том, что он уже по всем ресторанам заявлял <...> — все отдал в “Беседу”!» (*Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: в 4 т. М., 1997. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. С. 458).

¹¹ В письме от 17 мая Ремизов подключил к решению поставленной проблемы А. В. Бахраха, который в своей приписке к письму Ремизова обещал содействовать публикациям Пильняка и Никитина в берлинских издательствах. См.: *Фрезинский Б.* Судьбы Серапионов. С. 217.

¹² Б. А. Пильняк.

¹³ Речь идет об обострении отношений Советской России и Великобритании, связанном с выдвинутыми в адрес советского правительства требованиями и обвинениями (с угрозой повторной интервенции) 8 мая 1923 г., касающихся антибританской подрывной деятельности в Иране и Афганистане, угнетения прав верующих в России и нарушений торговых отношений. К 23 мая Советское правительство урегулировало конфликт, выполнив условия ультиматума, предъявленные в ноте прави-

тельства Великобритании, которая была подписана министром иностранных дел лордом Дж. Н. Керзоном. Косвенно последствия этих обстоятельств описаны в первой главе книги Никитина «Сейчас на Западе».

5

<Лондон. 1923. Не позднее 23 мая>¹

Голубчик мой, Алексей Михайлович, дорогая Серафима Павловна. Поклон мой нижайший и привет туманный из туманного города. Вот дела такие здесь. Я попал было в участок. Ключ забыл, а ночью к дому пришел. Заперто — не открывают. Звонюсь — не открывают. Пошел к бобби² — по словарю составил предварительно фразу.

— Ай ям форджер...

А надо было не форджер, а форчер, но кто его знает английское произношение. Хотел я сказать:

— Я забыл ключ.

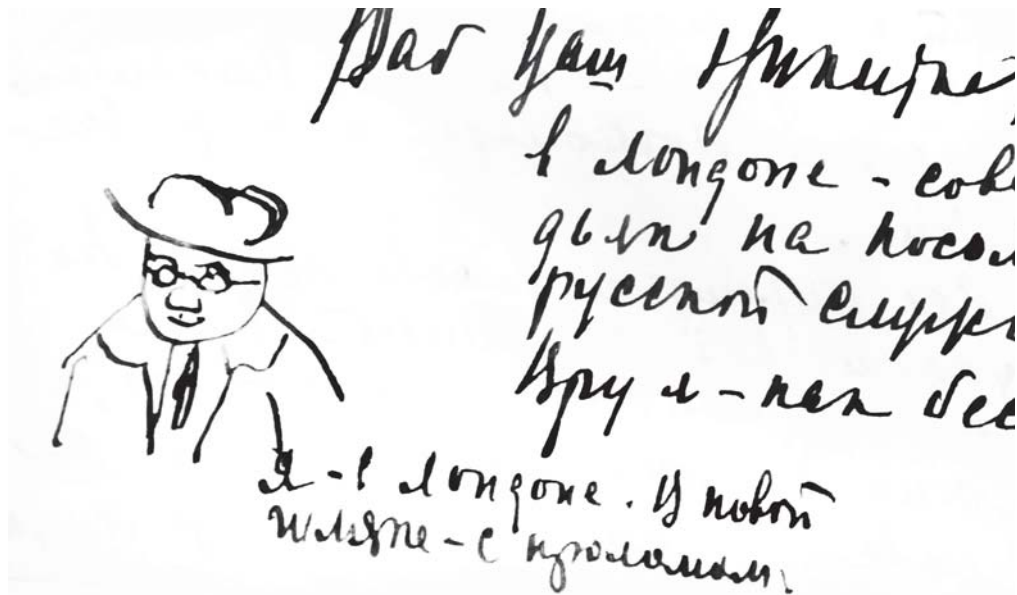
— Я фальшивомонетчик³.

Вот язык!!!

Дел здесь никаких, кроме З. Венгеровой и Минского⁴.

За адреса — спасибо. Посылаю письма. Позвольте обнять Вас нежно.

Все шумит и голова болит. По-русски все понимают. Только у нас приличнее. У нас — «три», — а у них — «сри». Простите меня на слове таком. И не читайте вслух⁵. Купил здесь башмаки, а ходить не могу в них. Английская нога узкая, да длинная, а наша русская широкая. Обезножил вконец. Хоть отрезай пальцы. Спасибо сапожник Джим русские мои сапожища починил. Хожу нынче — как

в раю. А сейчас барышню обидел⁶. Не слышите ли Вы — как трубку ей предложил. Отказалась. А я ей говорю: — «Почему же не хотите, вот негритянки курят».

Письмо Ваше, когда читал, и радостью истекал, и смехом. Хорошее письмо. Позвольте мне обнять Вас крепко и ручку Серафиме Павловне почтительно и нежно расцеловать.

Раб Ваш Ник. Никитин

В Лондоне — советский дьяк на посольской русской службе⁷.

Вру я как бесс<оизвестный-?>.

Я — в Лондоне. В новой шляпе — с заломом⁸.

¹ Письмо датируется по ремизовской помете, оставленной в верхней части перового листа: «1923. 24.5».

² Бобби — принятое в лондонском обиходе именование полицейских, получивших свое прозвище от уменьшительного имени сэра Роберта Пиля — министра внутренних дел Великобритании, учредившего в 1829 г. муниципальную лондонскую полицию.

³ Рассказ об этом приключении практически дословно воспроизведен в книге Никитина «Сейчас на Западе» (с. 25; гл. «Из писем домой», «Письмо» от 16 мая).

⁴ Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867—1941) и Минский Николай Максимович (наст. фам. Виленкин; 1855—1937) в эмиграции заняли позицию, близкую к сменовеховству. Ср. письмо С. П. Ремизовой-Довгелло З. Н. Гиппиус от 10 декабря 1921 г., в котором описывалась деятельность берлинского «Дома искусств»: «Венгерова мне очень не нравится, и вот она мне кажется зловредной, она какая-то, как Ал<ексей> М<ихайлович> ее нарисовал с красной звездой в турнюре сзади, противная» (Письма З. Н. Гиппиус — С. П. Ремизовой-Довгелло и А. М. Ремизову (1905—1941) / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е. Обатниной (в печати)). Весной 1923 г. Венгерова и Минский, связанные между собой многолетними близкими отношениями, перебрались из Берлина в Лондон, где Минский некоторое время служил при советском полпредстве. Ср. письмо Пильняка Ремизову от 20 мая, в котором описываются встречи Пильняка и Никитина с литературными деятелями в Лондоне: «Чуть-чуть одолевают — переводчики и... Зинаида Венгерова... своими проектами...» (Пильняк Б. А. Письма: в 2 т. Т. 2: 1923—1937. С. 32).

⁵ Реакция на фонетические аллюзии Никитина были оценены Ремизовым. См. его письмо Никитину от 25 мая (Фрезинский Б. Судьбы Серапионов. С. 218). Тема фонетических совпадений русских слов и слов европейских языков с примером, почерпнутым из письма Никитина, получила развитие в книге Ремизова «Кукха», увидевшей свет в издательстве Гржебина 19 декабря 1923 г. Ср.: «Странные вещи творятся в мире: дан человеку язык, ну чтобы всем говорить по-одинаковому, а нет, хуже того — одни и те же слова, но на предметы совсем разные. <...> бывает, что слово неприличное, а для вещи ходовой. И вот изволь произносить во всеуслышание, как ни в чем не бывало: наше русское “три” — 1, 2, 3 — по-английски “three!”» (цит. по: Ремизов А. Кукха: Розановы письма / изд. подгот. Е. Р. Обатнина. СПб., 2011. С. 115—116; а также коммент. на с. 490—491. (Сер.: Литературные памятники)).

⁶ Очевидно, отзыв романтического увлечения Никитина, пикантные обстоятельства которого Пильняк кратко обрисовал в своем письме Ремизову 12 июня 1923 г.:

«Никитин <...> англичанку русского происхождения встретил <...>. Живем втроем. Никитин — воет. Она счастливо-несчастлива. Я за отца у них» (*Пильняк Б. А. Письма: в 2 т. Т. 2: 1923—1937. С. 40*).

⁷ См. п. 4, примеч. 8.

⁸ Ср.: «Во всем Лондоне только у одного меня такая шляпа, и когда я вечером показываюсь на Picadilly, английские простаки хохочут нам в лицо» (*Никитин Ник. Сейчас на Западе. С. 23; гл. «Из писем домой», «Письмо» от 10 мая*).

6

30 — 7— <19>23.

S. S. Leonid Krassin.

Barry Dock

Родной Алексей Михайлович, — прости<те>, что ничего не писал. Замотали меня в Лондоне знакомые. Дрыхнуть некогда, а собирался писать — большое. Ездил на побывку в Оксфорд и Кембридж¹. А последнюю неделю грузил корабль «Л. Красин»². Почернел, закоптел, как черт. Жил с матросами на кубрике. Какие у них рассказы чудесные про «концы». Когда ехал от Вас через Рур, меня в Ахене арестовали бельгийцы и хотели расстрелять, — убежал³. Про это в английск<их> газетах писали. Наиподробнее из России — из «дому». Читал о Розанове — просто души спасение⁴. Серафиме Павловне и Шрейберу⁵ — поклон. Никитин.

Р. С. Котелянский не хочет⁶.

¹ Впечатления об университетских городах описаны в соответствующей главе книги «Сейчас на Западе» (с. 93—97).

² Грузовое судно «Леонид Красин», на котором Никитин и Пильняк возвращались в Россию, вышло из порта Барри, вероятно, 9 августа (см. наблюдения о датировках этого путешествия в кн.: *Казнина О. А. Русские в Англии: русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997. С. 338—339; очерк «Н. Н. Никитин»*).

³ Подробнее см.: *Никитин Ник. Сейчас на Западе. С. 57—60*; а также в письме Никитина Воронскому от 20 июля 1923 г. (*Воронский А. К. Из переписки с советскими писателями. С. 589*).

⁴ Речь идет о первой печатной редакции книги Ремизова «Кукха», которая под названием «Розановы письма» была опубликована во второй книге парижского трехмесячника литературы «Окно» (вышел в свет в июле).

⁵ *Шрейбер Яков Самойлович* — инженер; близкий друг Л. Шестова; герой ремизовских мистификаций, кавалер Обезвельволпала; секретарь мифического общества Цвофирзон. В Берлине (1921—1923) сотрудничал в издательстве «Скифы».

⁶ *Котелянский Самуил Соломонович* (1880—1925) — переводчик, журналист. См. подробнее о нем: *Казнина О. А. Русские в Англии. С. 94—99*. Очевидно, речь шла о переводах Котелянского произведений Ремизова, информация о которых, первоначально добытая Б. Пильняком, оказалась не достоверной. Ср. письмо Пильняка Ремизову от 28 мая 1923 г. из Лондона: «Об “Ахру” и переводах. Книг Ваших у меня нет. <...>. Вас тут переводили, кажется Котелянский» (*Пильняк Б. А. Письма: в 2 т.*

Т. 2: 1923—1937. С. 35). Переводы Ремизова на английский язык известны с 1916 г., однако, за отсутствием имен переводчиков в публикациях, остается неизвестным, причастен ли был к этим переводам Котелянский. См.: Алексей Михайлович Ремизов: библиография (1902—2013) / авт.-сост. Е. Обатнина, Е. Вахненко. СПб., 2016. О переводах Ремизова на английский язык см. также очерк, посвященный писателю, в книге О. Казниной «Русские в Англии» (с. 355—359), а также в публ.: «...с Вами беда — не перевести»: письма Д. П. Святополка-Мирского к А. М. Ремизову (1922—1929) / публ. Р. Хьюза. С. 335—401.

7

<Берлин>.

Милому и любимому отцу и председателю¹ мой большой и низкий поклон, мой самый горячий поцелуй. Хочу в Париж. Хочу Вас обнять. Алексей Михайлович, написал Эренбургу, чтобы хлопотал о визе², позвоните и Вы ему. Сейчас сидим в Тары-Бары³ Гуль⁴, Зарецкий⁵ и я. Пьем и слушаем Распошел⁶. Все мысли и разговоры о Вас.

Николай Никитин: 21 — VI — <19>28.

Дорогому канцеляриусу Обезвельволпала, дорогому Алексею Михайловичу — пьем Ваше здоровье!!! Ура!!!

Полпред берлинский⁷ Тоусен <так!>!⁸

Дорогой Алексей Михайлович, ваше доброе здоровье, на днях напишу о делах, а пока говорим о Вас. Обнимаем. Жаль, что нет Вас здесь с нами. Душевно Ваш Н. Зарецкий.

¹ Очевидно, подразумевалось игровое звание Ремизова как канцеляриуса Великой и Вольной Обезьяньей Палаты.

² Речь идет о визе для поездки во Францию. *Эренбург Илья Григорьевич* (1891—1967) с конца 1924 г. жил в Париже; корреспондент газеты «Известиях ВЦИК» имел влиятельные связи и с французскими представителями левой печати, в частности, с журналистом Бернаром Лекашем. Подробнее сюжет о помощи Эренбурга Никитину во время его командировки в Париж см.: *Фрезинский Б.* Судьбы Серапионов. С. 232—233; а также: *Эренбург Илья.* Письма: в 2 т. Т. 1: «Дай оглянуться...»: письма 1908—1930 / изд. подгот. Б. Я. Фрезинский. М., 2004. С. 569.

³ «Тары-Бары» — известный в Берлине «русский» ресторан. Ср. описание: «В ресторане “Тары-бары” зазвенел оркестр. Все восемь — в красных сапогах, бархатных шароварах, талии обмотаны красными кушаками, рубашки вышиты голубыми цветами.... и т. д.» (*Гуль Р.* Жизнь на фукса. М.; Л., 1927. С. 238).

⁴ *Гуль Роман Борисович* (1896—1986) — после отъезда А. Н. Толстого в Россию, с июля 1923 г. по июнь 1924 г., был редактором литературного приложения к газете «Накануне»; активный пропагандист «сменовеховства». См. также воспоминания Гуля о Никитине и Н. Зарецком, относящиеся ко времени приезда Никитина в Берлин в 1928 г.: *Гуль Р.* Я унес Россию: апология эмиграции: в 3 т. М., 2001. Т. 1: Россия в Германии. С. 262—265; 329—334.

⁵ *Зарецкий Николай Васильевич* (1876—1959) — художник, книжный иллюстратор; в 1907—1908 гг. сотрудничал в журналах «Весы» и «Золотое руно»; эмигрировал в 1920 г., с 1922 г. в Берлине; в 1923—1924 гг. сотрудник литературного приложения газеты «Накануне», издательств З. И. Гржебина и «Эпоха»; в 1925—1931 гг. председатель Союза русских живописцев, ваятелей и зодчих (Берлин); в 1931—1950 гг. жил в Праге; в конце 1930-х гг. организатор пражского Русского культурно-исторического музея; в 1951 г. переехал в Париж; при его содействии рисунки Ремизова экспонировались в галерее журнала «Штурм» (Берлин, 1927), а также на выставках «Рисунки французских и русских писателей» в Париже (1932) и Праге (1933/1934). Многолетний корреспондент и поклонник таланта Ремизова. Подробнее о нем: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные... С. 244—275 (гл. «Игра и жизнь кунстмалера Обезвельволпала»).

⁶ Название известного цыганского романа.

⁷ Полное звание Р. Гуля в Обезьяньей Великой и Вольной Палате — «Кавалер I-й степени с васильками» (см.: Фиксации звания в документальных источниках // Там же. С. 342).

⁸ Очевидно, имелось в виду колядное восклицание Таусень, которое рефреном проходит в тексте книги Ремизова «Пляс Иродиады: Вертеп» (Берлин: TrigeMa, 1922).

8

27. VI. <19>28

Berlin. W.50

Shaper str. 50

У Petersen¹

Вот, дорогой Алексей Михайлович, сегодня получил от Зарецкого Вашу карточку и книжку «Capitale d'Ural»...² Кажется, переврал!! Ну, бог с ним! Очень был рад прочитать и строчку и книжку. И приду я (сообщив пневматичкой³) — без всяких провожатых⁴. Но прежде, чем придти — надо приехать. И не о редакции я говорю. Какие редакции... Я пишу о Вове Познере⁵ — он мне очень нужен — а я не знаю его адреса. И потому к Вам моя большая просьба. Я в это письмо вкладываю письмо к В. Познеру. И прошу Вас это письмо каким-нибудь путем передать ему. Алексей Михайлович, это очень важно, Вы на это обратите внимание. От этого у меня все зависит. Простите, Алексей Михайлович, что я Вас утруждаю этим неприятным делом. Но к кому же мне обратиться? Уж не сетуйте. Ну — теперь — о деле кончено.

О безделье. О том, как живется здесь. Снял я меблированную комнату. Хочу жить не спеша. Со мной жена⁶. И сам я болен. Нервы — и хочу хоть на две недели отдохнуть под Дрезденом, куда я еще в России взял билет, — а то и в душе, и в голове — какая-то чепуха. Да и доктор пишет в рецепте немцам — что у меня истеро-неврастения... Все это глупости. Главное — надо провентилировать мозги.

Сейчас кончил пить чай с лимоном, вывезенным еще с <так!> России. В доме тишина. Сiju я, жена, да переводчик мой — и говорим, как будто мы в России. Даже закрываем рот (от комаров!). А после письма буду читать Вашу «Олю»⁷ — сегодня достал. Об «Оле» столько мне наговорили... Столько хорошего. А я жду

Вашего чтения, ибо я соскучился по Вас... Серафиме Павловне — низко кланяюсь и целую ручку.

И жду Вашего письма —
С любовью —

Николай Никитин

¹ Фамилия хозяйки съемной квартиры.

² Очевидно, «Capitale de l'Oural» — издание не установлено, но в подарке была несомненная аллюзия к рассказу Никитина «Столица Урала» (впервые: Россия. 1922. № 2. Сентябрь. С. 9—11). Ср. письмо Ремизова от 26 июня 1928 г., посланное из Парижа, в котором, в частности, упоминалось о посылке: «Посылаю еще книги, вышедшие в 1924 г.» (*Фрезинский Б.* Судьбы Серапионов. С. 219).

³ Подразумевается пневматическая почта.

⁴ Ср. письмо Ремизова от 26 июня 1928 г.: «Дорогой Николай Николаевич. Я очень хочу вас повидать и расспросить вас о вашем и о других писателях когда будете в Париже, пошлите мне рпеи (pneumatique) <...> и очень прошу вас не берите себе провожатых. Я хочу с вами поговорить. А не с кем» (*Фрезинский Б.* Судьбы Серапионов. С. 218—219).

⁵ *Познер Владимир Соломонович* (1905—1992) — французский писатель, начинал литературную деятельность в Петрограде в содружестве «Серапионовы братья»; весной 1921 г. уехал во Францию; постоянный корреспондент Ремизова с 1921 г. Подробнее о нем: *Фрезинский Б.* Судьбы Серапионов. С. 177—184), а также см. п. 1, примеч. 20.

⁶ Вторая жена Никитина — Ренэ Ароновна Никитина (1897—1975).

⁷ Речь идет о повести, написанной по рассказам жены писателя — Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло о своем детстве: *Ремизов А.* Оля: повесть. Париж: Вол, 1927. 352 с.

9

<Париж>. 14.VIII. <19>28.

Дорогой Алексей Михайлович, был у Вас сегодня вместо пневматички, не застал. (В 6 часов.) Портье советовал *et sonner et frapper*¹. И соннел <sic!> и фраппел <так!> без результата. Завтра буду у Вас в 5 часов. Крепко обнимаю.

¹ И звонить и стучать (*фр.*).

10

<Париж>. 27.VIII. <19>28

Дорогой Алексей Михайлович,

Александр Васильевич¹ получил наследство — 1 миллион франков и в сем трактире мы уже пропили и проели <все — ?> омары. До Шартра не добрались ибо он (сиречь Бахрах) все время пьяный вдребезги, все куда-то порывается и плачет. И я не хочу, чтобы он погибал — и потому завтра уезжаю в Берлин.

И надеюсь, что зимой по-настоящему увидимся. Тогда dokonчим разговоры, или письменно.

Серафиме Павл<овне> — низкий поклон.

Ник. Никитин

¹ Бахрах А. В. (1902–1985) — литературный критик. См. также п. 4, примеч. 11.

Приложение

Г.

Н. Никитин в Париже ¹

В последнем номере «Нувель Литерер»² появилась беседа с приехавшим в Париж советским писателем Никитиным, одним из так наз. «Серапионовых братьев».

Николай Никитин изложил интервьюровавшему его французскому журналисту Н. Франку ряд весьма «глубоких мыслей» о русской литературе.

Оказывается, Никитин совсем не «признает» Толстого³. О Бунине он не хочет даже говорить: этот писатель кажется ему совсем ничтожным. Величайшим писателем нашего времени — не только русским, но и мировым — Никитин считает Алексея Ремизова.

Крайне резко Никитин отзываясь о Лидии Сейфулиной <так!>, которая «живет лишь идеями других». Пильняк, по словам Никитина, «подавал большие надежды, но теперь безнадежно погас». Бабеля Никитин признает величайшим русским стилистом, а Эренбурга вообще отказывается считать писателем...

Новая русская литература, по мнению Никитина, происхождение свое ведет от Гоголя. Главными представителями «гоголевского начала» в современной русской словесности, Никитин считает Каверина и Тихонова, которым он сулит самое блестящее будущее⁴.

Париж немного удивил писателя: на Елисейских полях он ожидал встретить охотников и зайцев. А встретил лишь модные магазины и английских туристов.

¹ По косвенным источникам установлено, что заметка была опубликована в газете «Возрождение» (1928. Не ранее 15 сент.). См. примеч. 2.

² Речь идет о неподписанной статье под названием «Premier voyage à Paris Nicolas Nikitine», опубликованной в ежедневной парижской газете «Les Nouvelles littéraires» (1928. 15 sept. P. 4).

³ Подразумевается А. Н. Толстой.

⁴ Здесь (со слов «Оказывается, Никитин совсем не «признает» Толстого») приводится вольный пересказ фрагмента из «Les Nouvelles littéraires» (см. примеч. 2): «Je n'oublie pas les écrivains français. Quant aux nôtres... ne parlons pas de Bounine, de Kouprine. Beaucoup plus intéressantes sont les jeunes générations: séparer nettement ceux qui s'inspirent d'autres écrivains, par exemple, Seifoulina, de ceux qui cherchent, qui ont quelque chose à dire, un Kaverine, un Tikhonov, encore peu connus. Il y a aussi

Pilniak: il avait bien débuté, mais depuis... En Fédine, en Ivanov, il y a quelque chose de vieux en eux. Babel et Ehrenbourg sont les deux pôles opposés: le premier est un styliste; Ehrenbourg, au contraire, est tout à fait indifférent à la forme, et il n'est pas du tout russe. Mais quelle grande chose que le style! Maintenant il faudrait parler d'Alexei Remizov, l'un des maîtres de la littérature russe qui ont le plus influencé les jeunes générations... Gorki? Il a une très belle place, une position officielle: c'est une haute figure. Quant à Tolstoï... Il est énormément lu. Personnellement je ne l'aime pas. Il y a en Russie ceux qui exaltent son nom, et les autres, les meilleurs et les plus nombreux, qui suivent Gogol, notre plus grand écrivain avec Pouchkine, par qui tout commence...» — «Я не забываю французских писателей... что касается наших... не будем говорить о Бунине, Куприне. Много интереснее молодые писатели: полностью отделить тех, кто их вдохновляет, например, Сейфулину, от тех, кто ищет, кому есть что сказать, например, от какого-нибудь Каверина, какого-нибудь Тихонова, еще малоизвестных... Существует также Пильняк, он успешно начал, но в дальнейшем... А Федин, Иванов, эти в чем-то устарели. Бабель и Эренбург являют собой две противоположности; первый — стилист; Эренбург совершенно безразличен к форме, и он совсем не русский. Но какая важная вещь стиль! Теперь следовало бы сказать об Алексее Ремизове, одном из мэтров русской литературы, оказавшем наибольшее влияние на молодых писателей... Горький? Он занимает видное место, официальное положение: это лицо высокопоставленное. Что же касается Толстого... у него огромное количество читателей. Лично я его не люблю. В России есть люди, которые прославляют его имя, и другие, более доброкачественные и многочисленные, предпочитающие ему Гоголя, нашего величайшего писателя наряду с Пушкиным, которым вообще всё начинается...» Публикатор выражает сердечную благодарность П. Р. Заборову за перевод и подготовку фрагмента текста на французском языке к печати.

Никитин и зарубежная печать¹

Время от времени кому-нибудь из писателей, художников, артистов, ученых удается вырваться из СССР за границу, — проветриться на свободном воздухе, запастись материалом для работы, людей посмотреть и... как можно менее себя показать...

Показывать себя за границей опасно. Осторожный путешественник старается не встречать бывших знакомых, не жить в местах скопления русских, — не потому, чтобы он относился к ним отрицательно и враждебно, а просто потому, что каждая встреча и любое знакомство могут быть ему поставлены на вид при возвращении на родину. Не стоит дразнить недреманное око.

Но есть и другое недреманное око — зарубежная русская печать, ревниво следящая за путешествиями «советских деятелей» и в каждом приезде предполагающая тайного врага, о котором не вредно произвести следствие. Думается, что делается это не по злобе, а по невоспитанности, без желания прямо повредить человеку, но и с полным равнодушием к тому, как на судьбе его отразится такое к нему внимание.

Из советских писателей так было с покойным Соболев, которого еще в Риге печать встретила бранью и улюлюканьем; так было с Сейфулиной <так!>, с Бабелем, на днях — с Ник. Никитиным...

Ник. Никитин — из плеяды «Серрапионовых братьев», еще очень молодой, способный, составивший себе имя, неоднократно перепечатанный в русских зарубежных изданиях и переведенный иностранцами (французами и немцами), Ник. Никитин имел извинительную неосторожность ответить знакомому французскому литератору на несколько вопросов о современной литературе. Тот опубликовал свое интервью во французских «Литературных Новостях». Осторожный Никитин отклонил разговор о Бунине и о Куприне, но поддержал о Льве Толстом, а также о писателях советских. Ничего интересного он не сказал, явно отмахиваясь от назойливых вопросов. — «Толстой очень читается в России», «из классиков на молодежь больше всего влияет Гоголь, из современников — Ремизов...».

Все это известно было и без рассказов Никитина, — но немедленно подхвачено и украшено «недреманным оком» «Возрождения»². Ага! О таком ничтожестве, как Бунин, и говорит не стоит! Какой-то Никитин отрицает Толстого! Ремизова называет величайшим мировым писателем! (Ремизов — один из немногих, не пишущих в «Возрождении».) Одним словом, — как обычно: кто такой Никитин и на какие средства он катается за границей?..

Нашелся «читатель», сравнивший французский текст интервью с русским переложением «Возрождения» и напечатавший это «сравнительное исследование» в «Последних Новостях»³.

Поступок хороший, и чтение получилось занимательное. Но... выступить в защиту «советского писателя»... Это нужно делать с осторожностью. И «читатель» начинает свою защитительную заметку в тоне предусмотрительной небрежности к личности подзащитного:

«В Париж приехал некто Никитин, одних молодых “советских” писателей, — эти счастливики, не в пример прежним молодым русским писателям, почему-то довольно часто заглядывают в Европу, может быть, даже и на счет своего государства, не жалеющего, как известно, средств на распространение отечественного просвещения и собственной славы. А в Париже, среди прочих маленьких мод, есть сейчас маленькая мода и на этих экзотических молодых людей».

Нужды нет, что «некто Никитин» много раз упоминался в критических статьях «Последних Новостей» (как и в «Возрождении»), что ничем необоснованное предположение о поездке «за счет государства» может оказаться напрасным оскорблением. Нужды нет, что слова о нынешних «счастливиках» и прежних обделенных молодых писателях — совершенный вздор (за границей постоянно бывали и подолгу жила в первые годы своего писательства Бунин, Бальмонт, Мережковский, Л. Андреев, Зайцев, Муратов, Белый, Ал. Толстой, Вяч. Иванов, Блок, Ходасевич, Гумилев — легче перечислить небывавших!). Очевидно — манера легкой оскорбительной небрежности — закон хорошего газетного тона, когда речь идет о «советских».

Все это очень печально. Потому печально, что утверждает в зарубежной печати самые дурные и отвратительные приемы печати советской, злопахующей по долгу службы. Ведь ясно, что Ник. Никитин не может выступить с ответом на лживые о нем слова и обидные предположения, как не может ответить писа-

тель зарубежный, когда его «обкладывают» в печати советской. Значит — пользуйся положением и не стесняйся? Прием невысокого нравственного уровня.

Но еще печальнее то, что, перенося в область литературы политическую склоку со всеми ее сомнительными приемами, наша печать тормозит дело сближения и будущего слияния двух русских литератур — зарубежной и российской.

За последние годы для сближения их было немало сделано. Эмигрантский читатель привык к «советской» книге, научился следить внимательно за развитием российской литературы и не быть слишком ревнивым и пристрастным. И в России, в статьях журнальных критиков, уже нет прежних голословных нападок, есть опыты «отдания должного» зарубежным писателям, даже вошло в моду их перепечатывать. Первые робкие шаги — но все же вперед, все же ко взаимному пониманию. Уже та откровенность, с которой Ник. Никитин признает писателя, живущего в эмиграции — Ремизова — литературным учителем писательской молодежи, свидетельствует о возможности в России оценок по совести, а не по указке.

Бестактными выходками препятствовать начавшемуся сближению (пусть даже — иллюзии сближения) — недостойно свободной печати. Удивительно, как редко наши писатели выступают против бестактностей и с каким странным спокойствием они видят свои имена напечатанными рядом с заметками, порочащими их соратников по перу, живущих в пределах СССР.

¹ Источник публикации не установлен.

² Речь идет о статье «Н. Никитин в Париже», подписанной криптонимом — Г. См. с. 232—233 наст. изд.

³ Подразумевается статья «Литературные мелочи», подписанная псевдонимом — *Читатель*.

Список литературы

1. Антон Крайний [*Гиттиус З. Н.*]. I. О «Шиповнике»...; II. На острие // *Весы*. 1907. Май. № 5. С. 58—61.
2. «В России, как встретимся, будем вспоминать»: I. Переписка А. М. Ремизова с С. Я. Осиповым (1913—1923); II. Письмо В. Я. Шишкова к А. М. Ремизову (1921) / публ., вступ. ст., коммент. Е. Р. Обатниной // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год*. СПб., 2006. С. 218—265.
3. *Волошин М.* Собр. соч. М., 2013. Т. 12: Письма 1918—1924.
4. *Воронский А. К.* Из переписки с советскими писателями / вступ. ст. и публ. Е. А. Динерштейна // *Из истории советской литературы 1920—1930-х годов*. М., 1983. С. 561, 575. (Литературное наследство: т. 93).
5. *Воронский А.* Серапионовы братья. Альманах первый. Алконост. Петербург 1922 г. // *Красная новь*. 1922. № 3. С. 265—268.
6. Воспоминания Т. Н. Черносвитовой о смерти А. Н. Чеботаревской-Сологуб, записанные Л. Н. Щуко / публ. М. М. Павловой // *Memento Vivere: сб. памяти Л. Н. Ивановой* / сост. и науч. ред. К. А. Кумпан, Е. Р. Обатнина. СПб., 2009. С. 489—496.

7. *Гребенщиков Г.* Как много в этом звуке... // Дальние берега: портреты писателей эмиграции. Мемуары / сост., предисл. и коммент. В. Крейда. М., 1994. С. 35–37.
8. *Гржебина Е. З.* Гржебин — издатель / републ. и коммент. Г. Ковалевой // Опыты. 1994. № 1. С. 177–206.
9. *Гуль Р.* Жизнь на фукса. М.; Л., 1927.
10. *Доценко С. А. М.* Ремизов в Эстонии: начало эмиграции // Балтийский архив: русская культура в Прибалтике. Таллинн, 1996. Т. 2. С. 171–194.
11. *Замятин Е.* Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания / сост. и коммент. А. Ю. Галушкина; подгот. текста А. Ю. Галушкина, М. Ю. Любимовой; вступ. ст. В. А. Келдыша. М., 1999.
12. *Зоценко М. М.* Из писем и дневниковых записей (1917–1921 гг.) / публ., вступ. ст. и примеч. Ю. Томашевского // Новый мир. 1984. № 11. С. 211–229.
13. *Казнина О. А.* Борис Пильняк и ПЕН-клуб // Борис Пильняк: опыт сегодняшнего прочтения. М., 1995. С. 134–152.
14. *Козлов В., Путнин Ф.* Творческий путь Сергеева-Ценского // Сергеев-Ценский С. Н. Собр. соч.: в 12 т. М., 1967. Т. 1. С. 3–24.
15. *Кудрявцев В. Б.* Периодические и неперидические коллективные издания русского зарубежья, 1918–1941: в 2 ч. М., 2011. Ч. 1.
16. *Левитан И.* Жар-Птица, № 6. Изд. Когана «Русское Искусство». Берлин. 1922 // Новая русская книга. 1922. № 3.
17. *Луниц Л.* Литературное наследие / предисл., коммент., сост., подгот. текстов и указ. имен А. Л. Евстигнеевой. М., 2007.
18. *Любимов Н.* Неувядаемый цвет: книга воспоминаний: в 3 т. М., 2004. Т. 2.
19. *Любимова М. Ю.* «Учил писать девяностоградусными чернилами...»: Евгений Замятин и Николай Никитин // Серапионовы братья: философско-эстетические и культурно-исторические аспекты. Саратов, 2011. С. 141–149.
20. *Маликова М.* НЭП как опыт социально-биологической гибридизации // [Электронный ресурс] URL: www.el-history.ru/node/360. (дата обращения: 17. 12. 2017).
21. *Милашевский В. А.* Вчера, позавчера...: Воспоминания художника. М., 1989.
22. Мифологический словарь / под ред. Е. М. Мелетинского. М., 1990.
23. *Нечепорук Е. И.* Поэма «Двенадцать» в переводах на немецкий язык // Литературное наследство. М., 1993. Т. 92: Александр Блок: новые материалы и исслед. Кн. 5. С. 309–329.
24. *Никитин Ник.* Сейчас на Западе. Берлин — Рур — Лондон. Л.; М.: изд-во «Петроград», 1924.
25. Новая русская книга. 1922. № 1.
26. *Обатнина Е. Р. А. М.* Ремизов и Серапионовы братья (к истории взаимоотношений) // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 223–237.
27. *Обатнина Е.* Замятин pendant Ремизов: игра в шутку и всерьез // New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley Rabinowitz / ed. С. Ciepiela and L. Fleishman: in 2 parts. Stanford, 2014. Part I. P. 310–324.
28. *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001.
29. Письма Н. Н. Никитина К. А. Федину 1920–1930-х гг. / публ. И. Э. Кабановой // Из истории литературных объединений Петрограда–Ленинграда 1920–1930-х годов: исслед. и материалы / отв. ред. В. П. Муромский. СПб., 2006. Кн. 2. С. 27–66.
30. *Плуки П. И.* С. Н. Сергеев-Ценский (жизнь и творчество). М., 1968.

31. *Полонская Е.* Мое знакомство с Михаилом Зощенко // Воспоминания о Михаиле Зощенко / сост. и подгот. текста Ю. В. Томашевского. СПб., 1995. С. 154–161.
32. *Ремизов А.* Кукха: Розановы письма / изд. подгот. Е. Р. Обатнина. СПб., 2011.
33. *Ремизов А. М.* Собр. соч. СПб., 2015. Т. 11: 3га.
34. «...С Вами беда — не перевести»: письма Д. П. Святополка-Мирского к А. М. Ремизову (1922–1929) / публ. Р. Хьюза // Диаспора. Париж; СПб., 2003. [Вып.] V. С. 335–401.
35. «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома: Материалы. Исслед. Публ. / авт.-сост. Т. А. Кукушкина, Е. Р. Обатнина. СПб., 1998.
36. *Сергеев-Ценский С. Н.* Моя переписка и знакомство с А. М. Горьким // Сергеев-Ценский С. Н. Собр. соч.: в 12 т. М., 1967. Т. 4. С. 209–266.
37. *Смиренский В.* Воспоминания об Алексее Ремизове / предисл., публ. и коммент. Е. Р. Обатниной // Лица: биогр. альм. М.; СПб., 1996. [Вып.] 7. С. 161–190.
38. *Смушков Вад.* Пильняковщина: Буржуазное окружение в литературе, или как мы «боремся» на идеологическом фронте // Рабочая Москва. 1923. 3 марта. № 48.
39. *Стетун Ф. С.* Сергеев-Ценский. Преображение. Роман. Крымиздат. Симферополь. 1923 <Рец.> // Современные записки. 1924. Кн. XVIII. С. 429–434
40. *Тукалевский Вл.* Литературные рисовальщики // Новая русская книга. 1922. № 4. С. 1–2.
41. *Федин Конст.* Немецкий перевод «Двенадцати» // Книга и революция. 1922. № 5. С. 49–51.
42. *Федин К.* Собр. соч.: в 10 т. М., 1973. Т. 10.
43. *Фрезинский Б.* Писатели и советские вожди. М., 2008.
44. *Фрезинский Б.* Судьбы Серапионов: (портреты и сюжеты). СПб., 2003.
45. *Хлебников Л. М.* Из истории Горьковских издательств: «Всемирная литература» и «Издательство З. И. Гржебина» // В. И. Ленин и А. В. Луначарский: переписка, доклады, документы. М., 1971. С. 668–703. (Литературное наследство: т. 80).
46. *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: в 4 т. М., 1997. Т. 4.
47. *Чудаков А. П.* Два первых десятилетия // Шкловский В. Б. Гамбургский счет: Статьи — Воспоминания — Эссе (1914–1933). М., 1990. С. 3–32.
47. *Чуковский К.* Апостолы трусости // Речь. 1909. 31 мая (13 июня). № 146. С. 2.
48. *Чуковский К.* Дневник, 1901–1929. М., 1991.
49. *Шкловский В. Б.* Письма М. Горькому (1917–1923 гг.) / публ. и коммент А. Ю. Галушкина // De visu. 1993. № 1. С. 28–46.
50. *Шкловский В.* Сентиментальное путешествие. М., 1990.
51. *Янгиров Р.* Из истории русской зарубежной печати и книгоиздательства 1920-х: (по новым материалам) // Диаспора: новые материалы. Париж; СПб., 2004. [Вып.] 6. С. 525–590.

Архивные источники

ИМЛИ. Ф. 47.

ИРЛИ. Ф. 256. Р. I. Оп. 42.

РГАЛИ. Ф. 1161; Ф. 2575.

Amherst College Center for Russian Culture, USA.